

Изясненіе раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина.

Къ читателямъ.

Долгъ моего служенія, ревность по благочестіи, любовь къ церкви и польза отечества давно родили во мнѣ желаніе открыть всѣмъ пагубное ученіе и существенность раскола, называемаго христовщиною, но нѣкоторые обстоятельства мнѣ въ томъ воспрепятствовали.

Хотя прежде и были мною отчасти обнаружены заблужденія онаго раскола, найдено нѣкоторое число послѣдователей его, но то изысканіе послужило тогда препятствіемъ успѣхамъ того раскола тамъ токмо, гдѣ найденъ оный, а въ другихъ мѣстахъ, гдѣ тайны его не обличены и народу еще неизвѣстны, и понынѣ находятъ себѣ надежное убѣжище. Сія смертоносная зараза вездѣ свирѣпствуетъ, отъ часу умножается и почти по всѣмъ придѣламъ любезнѣйшаго нашего отечества разливается, гдѣ объ ономъ расколѣ прежде едва ли кто и понятіе имѣлъ, нынѣ и тамъ уже началъ появляться оный, отъ часу больше находятъ вездѣ прельщенныхъ послѣдователей сему, безразсудно удалившихся благодати Божіей, обезумѣвшихъ и оскотчавшихъ себя. Хотя предають ихъ законному сужденію, но сіи ослѣпленные бѣдняки, при всѣхъ имъ истязаніяхъ, по наущенію старѣйшинъ своихъ, ничѣмъ больше не отдѣлываются, какъ токмо единымъ молчаніемъ и во всѣмъ заpiresательствомъ, скрывая всячески сущность заблужденія своего со всѣми тайнствами его, а самые ихъ наставники, пользуясь таковымъ укывательствомъ учениковъ своихъ общаго ихъ нечестія, во всей своей силѣ и дѣйствіи, яко дѣлатели злые и сосуды, преисполненные всякаго коварства, лжи и всякаго беззаконія, еще паки и паки стараются разсѣвать плевелы пагубнаго своего ученія, привлекать несмысленныхъ въ свои пагубныя сѣти и умножать часть отца своего діавола.

Помянутыя мною прежде обстоятельства, хотя и довольно убавили во мнѣ охоты и почти совсѣмъ было охладили теплоту желанія моего намѣренія, почему я и предалъ было все сіе совершенному молчанію,

но, знавши прямо важность онаго раскола и вредъ, происходящій отъ него для святѣй церкви, равно и для отечества, всегда болѣлъ сердцемъ моимъ, видя часъ отъ часу умножающуюся и возрастающую оную богомерзкую секту и взирая на горькую погибель послѣдующихъ оной, ежеминутно слышалъ внутренній гласъ вопіющей во мнѣ совѣсти, возбуждающій меня къ изобличенію и подробному открытію всѣхъ пагубныхъ тайнъ онаго раскола, для того единственно, чтобъ ослабить и отнять силу и дѣятельность его къ уловленію въ вѣчную погибель душъ человеческихъ; ибо нѣтъ ничего для оной секты пагубнѣе, нѣтъ ничего тягостнѣе и нѣтъ несноснѣе для послѣдователей ея, какъ тайнствъ ихъ обличеніе.

Правда, и всѣ расколы, чѣмъ тончае и фундаментальнѣе познаются, тѣмъ удобнѣе побѣждаются, разоряются и истребляются; кольми паче слабѣетъ сей, не имѣющій никакого твердаго основанія, кромѣ того, чтобъ какъ невозможно скрывать всѣ свои тайны отъ сыновъ благочестія; съ таковымъ то точно намѣреніемъ они сперва, когда кого хотятъ, принимаютъ въ свою вѣру или согласіе, повелѣваютъ сдѣлать присягу и дать приходящему клятву въ томъ, чтобъ хранить ихъ тайны до конца жизни своей и никому не открывать, кромѣ единовѣрцевъ своихъ. Почему изъ закоснѣвшихъ совершенно и упорно стоящихъ въ своемъ заблужденіи хлыстовъ всякій согласится лучше понести всѣ на себѣ истязанія и самую смерть даже принять, нежели добровольно открыть свои тайны. *Всякъ бо дѣлаяй злая, глаголетъ Спаситель нашъ, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не явятся дѣла его, яко лукава суть.*¹⁾ Сія то ихъ плутовская выдумка, чтобы скрыть всячески всѣ свои дѣянія и тайны, и есть единственная причина невозвратнаго послѣдованія оному заблужденію прельщенныхъ; ибо въ состояніи ли кто разорить и испровергнуть какое зловерное дѣло, не имѣвъ объ ономъ обстоятельнѣйшаго извѣстія; возможно ли также кому, не узнавши совершенно сущности заблужденія и тайнъ оныхъ слѣпотствующихъ, урезонить и привести ихъ когда либо въ благоразуміе.

Содѣвающій всяческая къ пользѣ, Промыслъ Божій, какъ бы насильственнымъ образомъ, принудилъ меня къ сему моему предпріятію нижеслѣдующими обстоятельствами, а имянно: чѣмъ я больше старался

1) На полѣ: *Іоан. 3.3, стихъ 20.*

умалчивать объ ономъ расколѣ, тѣмъ паче отъ всѣхъ вообще рождались ко мнѣ подозрѣнія, отъсюду какъ самъ я, такъ и черезъ другихъ слышу отъ часу больше умножающіеся обо мнѣ разные ложные, постыдные и самые для меня обидные слухи: возмечтали обо мнѣ, будто бы я и самъ соблазнился, сдѣлался согласенъ съ оными раскольниками, принялъ ихъ пагубное ученіе и совершенно погрязъ въ ономъ блатѣ; стали сомнѣваться во мнѣ не токмо посторонніе, присные мои искренніе, даже и самые прихожане; а иные причиною поставили моему молчанію то, будто бы я ослѣпленъ мздою оныхъ раскольниковъ.

Вездѣ отъ всѣхъ я уже больше ничего не чувствую къ себѣ, кромѣ одинаго отвращенія, презрѣнія и увичженія, а отъ прихожанъ недоувѣрчивость, ибо вижу я, что слово мое уже въ нихъ не такъ стало дѣйствительно, поученія и наставленія мои не столь свято приеются и выполняются ими, какъ прежде. Да и подлинно: всякій можетъ вообразить, какихъ далѣе изъ сего можно ожидать послѣдствій. Если стражъ сдѣлается въ чемъ нибудь подозрителенъ, можно ли положиться на него во всемъ безъ сомнѣнія? Если въ пастырѣ возмечтаютъ овцы тата и разбойника, то могутъ ли они слѣдовать за нимъ въ любви и простотѣ сердца и полной свободѣ духа, не опасаясь его?

Принявъ въ уваженіе вышесказанныя причины, рѣшился я, наконецъ, исполнить прежнее мое намѣреніе, то есть, при помощи Божіей, для пользы церкви и отечества, выдать въ свѣтъ сію малую книжицу, въ коей ясно и подробно описать всѣ нечѣности и слѣпоту оныхъ безумцевъ съ точнымъ показаніемъ ихъ мыслей, суевѣрій и чиноположеній, при постыдныхъ ихъ праздникахъ или богослуженіи ихъ бываемыхъ. Я надѣюсь, что сіе произведетъ желаемые мною успѣхи и моею невинности послужитъ оправданіемъ, потому что она богомерзкая секта есть ничто иное, какъ тьма и тѣнь, не имѣющая съ себѣ никакой постоянной твердости; она при обнаруженіи всѣхъ ея непотребныхъ дѣяній скоро устыдится, а сіе самое содѣлаетъ ее недѣйствительною; почему и не нахожу я лучшаго способа и надежнѣйшаго средства къ пресѣченію онаго зла, уменьшенію и истребленію сей вредной новоизобрѣтенности, какъ всѣмъ сдѣлать ее извѣстною.

Я же съ своей стороны, уповаю, избавлюся ложнаго обо мнѣ подозрѣнія и отъ всѣхъ нареканія, и докажу, что совѣсть моя по сей части всегда была не зазорна предъ Богомъ, и что я никогда не пре-

клонялъ колѣна сердца моего Бога чуждему и измѣнникомъ не былъ какъ Богу, такъ и святѣй его церкви, и искренно люблю всѣмъ сердцемъ моимъ, какъ самъ себя, всѣхъ пребывающихъ и покоющихся въ нѣдрахъ ея, и почитаю, яко собратію, и сочленовъ моихъ, враговъ же ся и я врагами почитаю, что самымъ дѣломъ покажетъ нижеслѣдующее мое объясненіе: ибо тотъ за перваго отступника и врага почитается у оныхъ раскольниковъ, которой вынесетъ и извѣстными учинить предъ всѣми всѣ ихъ тайны.

Мое намѣреніе не то, чтобъ вооружиться противъ оныхъ бѣднѣйшихъ жертвъ, вовлеченныхъ въ сію погибель, разыскать и предать ихъ законному сужденію, какъ прежде: нѣтъ, я, дыша къ нимъ единою токмо христіанскою любовью, желаю отъ всея души моея не единого токмо обращенія къ церкви, но и временнаго и вѣчнаго имъ блага; на сей конецъ никого изъ нихъ здѣсь и именовать не буду: ополчаюсь же противу сей адской гидры ихъ заблужденія, которая съ ненасытною алчностью пожираетъ многія тысячи душъ человѣческихъ, и извожу сію изъ тьмы въ свѣтъ, да видящіе всю гнусность и всѣ черты безобразія ея сынове благочестія ужаснутся и достойно возненавидятъ оную; обожающіе же сію и послѣдующіе въ простотѣ сердца своего оной постыдятся и да нѣкогда придутъ въ чувство, откроютъ сердечніи свои очи, узрятъ и познаютъ свою прелесть, сколь они далеко уклонились отъ истины, удалились отъ благочестія. сколь много совратились съ пути, ведущаго въ животъ вѣчный, и сколь они уже близки стали къ вѣчной погибели, да обратятся паки въ нѣдра истинной матери своей православной апостольской церкви, которой они тайныя. но весьма чувствительныя давали заушенія, терзали и раздирали утробу ея, она же, позабывая всѣ причиненныя ей досады и обиды, всегда съ важнѣйшею любовію призываетъ ихъ и готова принять съ распростертыми объятіями къ ней возвращающихся.

Проходя сіе мое объясненіе, да не усомнится благосклонный читатель и да не почтетъ за насправедливое, если что найдетъ здѣсь невѣроятное изъ глупыхъ и смѣха достойныхъ ребяческихъ оныхъ слѣпцовъ дѣяній или ученій, основанныхъ на сущихъ бабѣихъ басняхъ, пустыхъ бредняхъ и звягахъ (?); нѣтъ, они объяснены въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мнѣ были представлены, и написаны въ самомъ духѣ истины, что утверждаю и свидѣтельствую по священству; я собственно

самъ оныя видѣлъ и слышалъ; да издаю ихъ ни (на) какой другой конецъ, не для того, чтобъ поругаться и посмѣяться онымъ прельщеннымъ бѣднякамъ, послѣдующимъ вышепоказаннымъ бреднямъ, но токмо оправдать мою невинность, избавиться подозрѣнія, сдѣлать пользу церкви и отечеству.

Многіе не одобряютъ моей ревности къ изысканію оной секты христовщины, будто бы я коснулся дѣла, совсѣмъ меня не принадлежащаго, предъосуждаютъ меня въ томъ, что я съ послѣдователями оной, повидимому, возымѣлъ тѣсную дружбу, принялъ на себя ихъ виды и узналъ ихъ тайны. Но всѣ таковыя нареканія произошли на меня, можетъ быть, отъ того, что не всѣ извѣстны о причинѣ, побудившей меня приступить къ изысканію онаго раскола, почему здѣсь я и почитаю за нужное о семъ читателей моихъ предупредить.

Когда появилась близъ здѣшнихъ мѣстъ оная секта христовщина, коею заразились нѣкоторые и изъ духовнаго званія (имена ихъ означены въ учиненномъ мною 1803 года доношеніи) и дошло объ ономъ извѣстіе до высшей власти, то неусыпная бдительность о паствѣ своей и проникательность архипастыря высокопреосвященнѣйшаго Теофилакта, бывшаго тогда епископа Калужскаго, а нынѣ архіепископа Рязанскаго, не опустила сего безъ должнаго вниманія и изслѣдованія. А какъ оная секта очень коварна и послѣдователи ея содержатся весьма тайно и скрытно, то и нужно было сдѣлать по сему особенное обстоятельнѣйшее изысканіе. Почему чрезъ бывшаго тогда по той части отца благочиннаго Калужской Крестовоздвиженской, что на Воробьевкѣ, церкви священника Іоанна Семенова, такъ какъ ему за дальностію разстоянія узнать и изслѣдовать объ оной хорошенько было не безъ великой трудности, препоручено было мнѣ, яко избранному уже депутату, чтобъ благоразумнымъ образомъ взойти въ испытаніе и освѣδοниться обстоятельнѣе, какимъ расколомъ заразились вышеозначенные духовнаго званія люди. Я, получа оное препорученіе, хотя старался всячески, то чрезъ другихъ, то испытывая и совпрошая ихъ самихъ, чтобъ узнать, въ чемъ состоитъ оныхъ людей заблужденіе и противность церкви, но ничего не могъ доискаться. Они больше ничѣмъ отъ меня не отходили, какъ токмо заpiresательствомъ и незнаніемъ; но при всемъ томъ, какъ они не скрывались, всегда на лицахъ ихъ живо была написана какая то особенность. Наконецъ, пришло мнѣ на мысль пред-

ложить имъ то, что будто бы объ нихъ многіе соблазняются, и чтобъ они, если и подлинно въ чемъ по ошибокъ своей удалились отъ благочестія, оставивши то заблужденіе, сдѣлали раскаяніе, паки обратились къ святѣй церкви, были бѣ оной единомудрены, а чрезъ то самое помиловали свои души и очистились бы отъ падающаго на нихъ соблазна; на что и получилъ отъ нихъ отвѣтъ такого содержанія: „поди прочь отъ насъ, нечистота; у насъ тебѣ взять нечего; мы такъ же вѣруемъ, какъ и ты“. Я изъ оныхъ вылетѣвшихъ отъ нихъ краткихъ, но весьма много въ себѣ заключающихъ словъ, хотя и понялъ тогда всю тяжесть онаго ихъ раскола, но не имѣя больше надежды, чтобъ совершенно узнать ихъ тайны, хотя и намѣренъ былъ вовсе отстать отъ нихъ и оставить ихъ въ покоѣ, потому что уже мнѣ наскучило заниматься съ ними всегда единообразными матеріями и разговорами и хлопотать объ ономъ, но обязанность и усердіе къ исполненію порученнаго мнѣ отъ начальства дѣла снова подкрѣпили во мнѣ бодрость духа въ неослабномъ исполненіи онаго, а опасность, которую я тогда воображалъ въ умѣ моемъ, могущую послѣдовать отъ возгнѣдившагося близъ нашихъ предѣловъ душемнительнаго змія того раскола, дабы оный не уязвилъ и не погубилъ какую овцу и изъ моего духовнаго стада, а чрезъ то не подпасть бы и мнѣ строгому отъ вручившаго мнѣ оное взысканію, *зане аще едина овца нерадѣнія ради погибнетъ, отъ рукъ пасущима изыщется*, сдѣлала такое впечатлѣніе въ душѣ моей, что я предпринялъ твердое и непремѣнное намѣреніе, употребля къ тому всѣ средства, обстоятельнѣе и совершеннѣе узнать, что значать оныя люди; проникнувъ же всѣ ихъ коварства, рѣшился, предпринять другія мѣры, покороче съ ними познакомиться и подъ видомъ благочестія показать имъ съ соболѣзнованіемъ мнимое мое сумнѣніе въ благочестивѣй церкви нашей. Такимъ образомъ въ видѣ ученика цѣлые девять мѣсяцевъ, будучи подкрѣпленъ видимымъ благодати Божіей посѣщеніемъ, я всѣчески къ нимъ приспособлялся, при многотрудныхъ моихъ испытаніяхъ, не щадя ничего, ниже самаго здравія моего, достигъ желаемой мною цѣли, и сею сѣтью такъ уловилъ оныхъ коварныхъ враговъ церкви, что не токмо узналъ, что сіи прельщенные совершенно отступили отъ благочестія, но и всѣ ихъ заблужденія: допущенъ былъ неоднократно на ихъ праздники и видѣлъ ихъ глупыя тайны, въ коихъ всю надежду полагаютъ своего спасенія.

Итакъ, вотъ прямая цѣль маловременныя моя связи съ заблужденными оными бѣдняками. Единая ревность по Богѣ и церкви, рвеніе токмо къ тщательнѣйшему прохожденію должности моей и усердіе къ исполненію воли моего архипастыря были душею сего немалостоящаго для меня подвига моего, толико навлекшаго мнѣ ненависти и злобы отъ многихъ не токмо изъ оныя секты, но даже и изъ единовѣрныхъ нашихъ собратій, и, могу сказать, отъ многихъ единого сана со мною. Лучшій судія для меня есть совѣсть моя, свидѣтель—Богъ, а несправедливая клевета и навѣты—возмездіе за тотъ священный жаръ, коимъ душа моя всегда раскаляется при обличеніи сея пагубныя ереси; клеветующимъ же меня да обратится въ собственный ихъ стыдъ и посрамленіе. Дай Богъ, чтобы сей мой трудъ принесъ желаемую церкви нашей пользу и послужилъ врачевствомъ для немоществующихъ суевѣріемъ душъ.

1. О христовщинѣ вообще.

Христовщина, или иначе, по наименованію иже во святыхъ отца нашего Дмитрія Ростовскаго, а н т и х р и с т о в щ и н а,¹⁾ есть расколъ отъ всѣхъ другихъ расколовъ особенный. Онъ ничто иное есть, какъ пагубное скопище или озеро, приемлющее и вмѣщающее въ себя не токмо всѣ источники, смердящіе еретическимъ нечестіемъ, но и дышущіе самымъ язычествомъ. А по сему самому, кажется, есть богопротивнѣйшій изъ всѣхъ ересей и расколовъ, какъ въ новѣйшія времена возникшихъ, такъ и въ самой глубокой древности намъ извѣстныхъ. Начальники онаго похитили и пріяли на себя единое токмо имя Христова, для того единственно, дабы подъ симъ священнѣйшимъ покровомъ удобнѣе сокрыть непотребства свои, дѣла же ихъ совсѣмъ чужды христіанства. Они суть ничто иное, какъ вторые идолопоклонники, съ тою токмо разницею, что первые обожали бездушные истуканы, а сіи послѣдніе боготворятъ одушевленные идолы, т. е. самихъ себя, называя сынами Божиими и истинными христами.

2. О началъ онаго раскола.

Судя по сущности ученія, корень и основаніе сего раскола есть древняя манихейская ересь, которая какъ бы развиваясь болѣе и болѣе

¹⁾ На полѣ: *Ромскъ*.

въ своихъ нелѣпостяхъ и укоренясь отъ времени до времени въ своихъ душепагубныхъ началахъ, изъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ и странъ Греціи достигла, наконецъ, нашего отечества и пришла заразить немощные члены православныя церкви нашея. Когда же оный расколъ именно начало свое возымѣлъ, и кѣмъ внесенъ, и основанъ въ предѣлахъ нашихъ, сколько я ни старался изыскивать, дабы тѣмъ удовлетворить совершенно любопытству своему, но никакъ не могъ дойти до начала онаго; сами оные раскольники утверждаютъ обыкновенно, какъ и всѣ прочіе еретики, что вѣра ихъ будто бы самимъ Христомъ начата и основана, апостолами имъ преподана, но была потеряна и совсѣмъ испорчена новыми книгами, паки же отыскана ихъ начальными основателями, коихъ души въ уготованное имъ мѣсто уже снідоша. послѣдователи онаго заблужденія почитаютъ ихъ святыми; одинъ изъ нихъ именемъ Александръ Ивановъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что очень долго за оное ученіе содержался въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ въ замкѣ.

Секга сія, повидимому, начало свое возымѣла уже послѣ прочихъ разныхъ расколовъ, въ Россіи возникшихъ. Чему несумнительнымъ доказательствомъ можетъ служить первое то, что оная отъ всѣхъ ихъ заимствуется развратами и есть ничто иное, какъ всеобщее исчадіе первыхъ, но превзошедшее всѣхъ оныхъ нечестіемъ своимъ; второе то, что она отъ часу умножается, но тайны ея еще народу неизвѣстны; отъ стародубцевъ приняла она обращеніе по солнцу, безъ коего послѣдователи ея никакого даже малѣйшаго дѣйствія не начинаютъ, и такъ строго оное наблюдаютъ, что если кто изъ нихъ пойдетъ на кругъ противъ солнца, тотъ уже безъ Бога и благодати его; они весьма гнушаются табакомъ, любятъ именоваться старовѣрами, крестятся двоеперстнымъ сложеніемъ и утверждаютъ то, будто вся старая благочестивая вѣра нынѣ искажена и совершенно испорчена, будто бы всѣ отъ истины отступили и вѣруютъ совсѣмъ не такъ, какъ вѣровали прежніе святыя отцы и благочестивые христіане, они не уважаютъ какъ самую церковь святую, такъ и всѣ таинства, догматы и преданія ея; таковую дерзость воспріяли они отъ тѣхъ еретиковъ, кои были изблечены въ прошедшемъ столѣтіи преосвященнымъ Стефаномъ Яворскимъ, митрополитомъ Рязанскимъ, на каковой случай сей преосвященный и книгу, именуемую Камень Вѣры, сочинилъ. Оные изоб-

личенные еретики хотя и исчезли, но не можетъ стать, чтобъ разсѣянные ими плевелы въ легковѣрномъ народѣ не остались, кои, думать надобно, внесены и въ сію нечестивую секту.

Вѣроятно, что оная странная нелѣпица выдумана какимъ нибудь вторымъ Магометомъ, въ безстыдствѣ же совершеннѣйшимъ и притомъ нечестивѣйшимъ и дерзостнѣйшимъ, ибо первый не убоился наименоваться токмо великимъ пророкомъ Божиимъ, а сей не утратилъ назваться самимъ Христомъ, Сыномъ Божиимъ. Догадка сія подтверждается: 1-е, круженіемъ, которое за начальное таинство въ оной сектѣ почитается, а сіе дѣйствіе есть магометанскихъ дервишей, какъ неоднократно мнѣ сказывали нѣкоторые изъ достопочтеннѣйшихъ и всякого вѣроятія достойнѣйшихъ особъ, коимъ въ бытность въ Турціи и Крыму случалось видать, какъ въ Турецкихъ и Татарскихъ мечетяхъ тѣ дервиши, иногда многіе имѣствъ, а иногда порознь скачутъ и кружатся дотолѣ, пока вспотѣютъ и ослабѣютъ; иные же изъ оныхъ отшельниковъ, именуемыхъ турецки дервишами, имѣя дикообразный видъ и быстрыя очи, дѣлаютъ поученія и нѣчто предсказывать кажутся; 2-е, что послѣдователи сего заблужденія весьма строго запрещають и за великій грѣхъ почитають употреблять разгорячающіе напитки, что и у магометанъ также весьма наблюдается; 3-е, способствуетъ къ подтвержденію сего мнѣнія и „Розыскъ“ Святителя Христова Димитрія: *въ томъ, рече, скитѣ обрѣтается нѣкій мужикъ, его же зовутъ Христомъ и яко Христа почитаютъ, а кланяются ему безъ крестнаго знаменія, пристанище того Христа въ селѣ, зовомомъ Павловъ Перевозъ, на рѣкѣ Окпѣ, за Нижнимъ Городомъ 60 верстъ, сказываютъ же того Лже-Христа родомъ быти Турченина и прочая;*¹⁾ можетъ быть не отъ сего ли самаго здѣсь означеннаго плута сія секта и начало свое получила; оный лютой волкъ и подлинно не былъ ли одинъ изъ таковыхъ дервишей, бродяга, и изшедши изъ какихъ либо Азіатскихъ или Крымскихъ дубравъ и впадши въ стадо отвергшихся тогда отъ святаго церкви и заскочившихъ внѣ ограды оныя овецъ и не имущихъ истинныхъ пастырей, бывшихъ въ смущеніи, умертвилъ ихъ многія души смертію вѣчною, посѣявъ между ими безчисленныя и неслыханныя свои плевелы.

1) На полѣ: *О дѣлахъ раскольническихъ. Часть 3. Глава 18. Листъ 27 и 28.*

3. *О названіи его.*

Сей расколъ, съ разумноженіемъ и разсѣяніемъ его повсюду, въ нынѣшнее время разныя получилъ себѣ наименованія. Иные называютъ его христовщиною, другіе—духоборчествомъ, а нѣкоторые—скопчествомъ; но подъ всеми сими названіями онъ есть одинъ и тотъ же. Послѣдователи сего суть одинаго зла причастницы и погибшія отрасли изсохшаго древа вертограда Христова. Первое названіе получили они оттого, что вѣруютъ въ мужика, какъ въ сущаго живаго Христа, и сіе у нихъ есть всеобщее; второе потому, что охулили они Духъ Святой въ благодатныхъ таинствахъ, не признавая въ нихъ никакого освѣщенія и содѣйствія его, а на мѣсто оныхъ поставляютъ они энтузіазмъ или изступленіе, которое во время ихъ круженія съ ними бываетъ и въ которомъ они все свои дурачества именуютъ живыми дѣйствіями Утѣшителя Духа Истины и хвалятся оными, сами о себѣ свидѣтельствуя, что будто бы они живутъ по Духу Святому; третье же наименованіе получили они оттого, что оскотпляютъ себя. Но справедливѣе всего приличествуетъ имъ оное простонародное названіе хлысты, ибо они недостойны носить на себѣ столь пресвятое, и человѣками и ангелами славимое, имя Спасителя нашего Христа. Почему отселѣ я и буду вездѣ здѣсь именовать оную секту не христовщиною, а хлыстовщиною, послѣдователей же ея хлыстами.

4. *О свойствахъ оной секты и послѣдователей ея.*

Свойства сей нечестивой секты удивительны. Основатели ея должны быть или крайніе невѣжды или совершенные безбожники. Мерзить и не гнушаться однимъ и тѣмъ же не есть ли безуміе? Отвергать и принимать и какъ бы играть тѣмъ, что почитается за божественное, не суть ли слѣды безбожія? Оная секта есть необыкновенна и противна всемъ породившимся въ нѣдрахъ Россійской церкви расколамъ. Сія не такъ, яко же тѣ дивія юницы, кои, изскочивши изъ ограды церковныя и удалившись отъ нея, скитаются по брынскимъ, стародубскимъ и керженскимъ лѣсамъ и дебрямъ поморскимъ, но яко опасный скорпіонъ кроется между народомъ по городамъ и селеніямъ въ ущелинахъ домовъ обитателей благочестивыхъ и даже въ нѣдрахъ святыхъ

обитателей и монастырей, находить себѣ мѣсто между предстоящими алтарю Господню, и не страшится сія мерзость заупустѣнія становиться на мѣстѣ святѣ въ лицѣ служителей Бога Вышняго. Она отъ всѣхъ расколовъ заимствуется, но ни съ однимъ не согласуется, она отайнѣ хотя и болѣе всѣхъ хулить святую церковь и ни во что ее ставитъ, но священныхъ храмовъ, священства и всей святыни церковной, какъ оныя не удаляется, да и наставники оныя секты не токмо не запрещаютъ прочимъ ученикамъ своимъ ходить въ церковь и вмѣстѣ наряду съ благочестивыми принимать всякую святыню церковную, но даже и учать ихъ говоря: „не сквернить де васъ сіе, дѣтушки, дабы удобнѣе вамъ утаить отъ міра вѣру и тайны свои, по васъ бы ходили, а васъ бы не находили, токмо имѣйте въ сердцѣ вашемъ тайно истинную вѣру и преданныя вамъ заповѣди соблюдайте, иногда де и изъ ослей головы, но истекаетъ вода сладка, т. е. полезное, прохлаждающее и врачующее души наши ученье“. Сіе разумѣютъ о священствѣ, ибо всѣхъ священнѣйшихъ пастырей церковныхъ и учителей именуютъ они сопатыми ослами. „Но будетъ де время, дождемся простору, когда де наша святая вѣра возсіяетъ, всѣ ея примутъ и будетъ проповѣдоваться явно во всей вселенной,“ о чемъ и пророки ихъ всегда имъ прорекаютъ, а сіи прельщенные тому и вѣруютъ несумнѣнно.

Наставники ихъ вообще всѣ льстивы, лицемѣрны и великіе плуты. Они показываютъ на себѣ видъ смиренный, трезвый, цѣломудренный и благочестивый, хотя впрочемъ сердца ихъ и преисполнены ядомъ злостія, а тѣмъ паче они опаснѣе, что подъ видомъ наружныхъ своихъ добродѣтелей, яко подъ овчею кожею прикрывая волчій образъ свой привлекаютъ невинныхъ овецъ стада Христова, отторгающе въ слѣдъ себя. Подражая же имъ, и всѣ прочіе послѣдователи таковыми быть кажутся. Но есть изъ нихъ люди очень простодушные и прямо добродѣтельные. Увы, погибели оныхъ бѣдныхъ жертвъ! Всѣ ихъ добродѣтели, будучи помрачены нечестіемъ, яко блистательное золото въ темномъ мѣстѣ лишается блеска своего.

Они представляютъ себя въ видѣ жертвы гоненія, всѣхъ же благочестивыхъ христіанъ въ лицѣ гонителей, и мнятъ сіи слѣпые и слабые нетопыри соравняться съ величественными орлами, именуютъ себя мореходцами, чудотворцами и святыми божіими людьми, ничѣмъ ни меньшими первыхъ святыхъ апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ прочихъ

святыхъ Божіихъ. При народѣ кажутся набожными и богомольными, а въ домахъ своихъ почти вовсе никогда не молятся, потому что какъ Животворящій Крестъ, такъ и святые иконы не почитаютъ, но вмѣсто оныхъ молятся сами на себя: „лучше де поклонитися живымъ иконамъ, нежели доскамъ невоодушевленнымъ, кои ничего не говорятъ и не творять“. Они между собой очень дружелюбны, хотя впрочемъ и выходятъ иногда у нихъ ссоры, но небольшія и частныя, кои тотчасъ и прекращаются, они любовны и единомыслны, чѣмъ паче и поддерживается ихъ секта, любятъ ходить опрятно, а достаточные изъ нихъ и щеголяютъ, не гнушаются они, какъ прочіе раскольники, бранобритіемъ и нѣмецкимъ платьемъ. Сладкія кушанья и богатые столы для оныхъ святыхъ божіихъ людей служатъ первымъ невиннымъ утѣшеніемъ, къ тяжкимъ работамъ они мало способны, а какъ они придерживающейся власти повинуются за единый гнѣвъ токмо, а не за свѣтъ, (sic) то въ должностяхъ, кои для нихъ невыгодны, невѣрны и ненадежны, почему и домогаются, употребляя всякія средства, къ полученію нетрудныхъ, но выгодныхъ мѣстъ и должностей.

5. О заблужденіяхъ послѣдующихъ оной секты.

Заблужденіямъ своимъ сіи прельщенные никакихъ предѣловъ не имѣютъ, но отъ часу еще изобрѣтаютъ новыя, присовокупляютъ другія и умножаютъ оныя постепенно. Какъ для испорченнаго желудка всякая и здравая пища есть вредъ, или дряхлющему и малѣйшее хвращеніе бываетъ преткновеніемъ, а преткновеніе предъускоряетъ и самое паденіе, такъ и для оныхъ заблудшихъ до конца все вредно, все блазнительно, все служитъ къ претыканію, все клонитъ къ развращенію. Всякій глаголъ Божій и всякое книжное сказаніе для нихъ есть порча, какъ, напримѣръ: 1-е, реченное Господомъ Исусомъ ко ученикомъ своимъ: *Вамъ есть дано въдати тайны Царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ и слышаще не разумѣютъ;*¹⁾ на сей тончайшей нити виситъ вся тяжесть ихъ заблужденія, ибо они утверждаютъ, что будто бы имъ токмо однимъ открыты, какъ и Апостоламъ Христовымъ всѣ тайны Царствія Божія, кои они относятъ къ своимъ дурачествамъ и затѣямъ, достойнымъ ихъ невѣжества. Увѣряютъ, что

¹⁾ На полѣ: *Луки глава 8.*

будто бы они токмо одни ихъ знаютъ, а міръ, то есть всѣ прочіе человѣки, въ томъ числѣ и благочестивые христіане, кромѣ ихъ согласія, якобы подъ прикровеніемъ притчей Священнаго Писанія и видяще не видятъ, и слышаще не разумѣютъ; 2-е, изъ молитвы, читаемой христіанами предъ Причащеніемъ: *не бо вршомъ твоимъ тайну повѣмъ*, они взяли для себя закономъ отнюдь другимъ не открывать своихъ тайнъ, но всячески таять и удерживать. А употребляемое мѣстами въ книгахъ церковныхъ реченіе круга, какъ то: для означенія великихъ праздниковъ кресты въ кругу въ стиховенныхъ службы Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы стихирахъ: *съ небесныхъ круговъ слетѣвъ Гавриилъ*, осмага гласа третія пѣсни въ ирмосѣ: *Небеснаго круга верховотворче Господи* и прочая, послужило имъ такимъ догматомъ, изъ коего они вывели, что непременно надобно всѣмъ по солнцу кружитися; самое же дѣйствіе круженія наименовали *кружомъ* небеснымъ, и будто бы кто не позналъ и не пришелъ *на оный*, то есть, по ихъ, не увѣровалъ, и на ономъ ихъ кругу не повертѣлся и не исповѣдалъ, что сей есть истинный путь Божій, тотъ уже и Царствія Божія не получить.

Паче же всего онымъ отступникамъ служить претыканіемъ и соблазномъ Толковое Евангеліе, въ которомъ, яко таинственныя образованія будущихъ, чувственно видимыя и осязаемая дѣла Христовы, духовнымъ разумомъ уподобительнѣ богодухновенными мужи истолкованныя, для нашего токмо нравоученія, дабы чрезъ сіе образословіе сильнѣе возбудить, поощрить и воспламенить наше желаніе къ добродѣтели, они берутъ въ прѣмомъ разумѣніи, равно какъ и самыя дѣянія, а о сущихъ дѣяніяхъ утверждаютъ. будто бы ихъ въ самомъ дѣлѣ и не было, и, будучи весьма омрачены мглою невѣжества, достигли до такой степени неистовства, что совершенно уподобились лишившимся вовсе здраваго разума, коимъ иногда и пустыя тѣни кажутся твердыми тѣлами, а тѣла ничтожествомъ, самыя воображенія и призраки живыми существами, существа же привидѣніями. Они не могутъ уже имѣть той разборчивости и различенія, чтобъ распознавать сущую исторію, содержащую въ себѣ бывшія живыя и чувственными очами видимыя дѣянія отъ притчей; все безъ исключенія Священное Писаніе у нихъ есть ничто иное, какъ смѣсь истины и лжи, и единственная выдумка, и разумѣютъ его больше аллегорически, которое якобы совсѣмъ въ

себѣ другой нѣкакой умозрительный, духовный и весьма далечайшій смыслъ заключаетъ. Четыри же Минеи и Пролога церковные, по ихъ мудрованію, живая ложь; облыгая святыхъ Божіихъ угодниковъ, сказываютъ, будто бы они жили, или, какъ говорится у нихъ, шли въ міръ ложью, обманывая людей, скрывали и таили отъ нихъ, какъ и они, дѣла свои, дѣлая производство реченію Прологовъ посмѣянія достойное, не отъ греческаго πρόλογος=предисловіе, но отъ російскаго глагола *пролыаю*, почему всячески лгать и обманывать и съ клятвою запираются въ своихъ заблужденіяхъ не токмо не почитаютъ за грѣхъ, но и въ добродѣтель ставятъ. А какъ у нихъ всѣ книги суть ничто иное, какъ хитрая выдумка и ложь, то учителя ихъ запрещаютъ много читать ихъ, потому что они будто бы по своей глубокомысленности затмѣваютъ умъ, вводятъ человѣка въ неистовство, развлекаютъ мысли, отводятъ отъ истины и удаляютъ отъ пути Божія, а лучше сказать потому, какъ видится, что не всѣ на ихъ вкусъ писаны.

Изъ сего то сѣмени погрѣшительнаго и безразсуднаго ихъ мнѣнія о Священномъ Писаніи родилось главное ихъ заблужденіе, состоящее въ томъ, что они *истинному воплощенію Божьего Человѣка не вѣруютъ* и не признаютъ того, что Христосъ Господь, совокупивъ въ Особѣ своей обоя естества, т. е. божество и человѣчество, въ самомъ дѣлѣ принявъ на себя содѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пречистыя Дѣвы Маріи плоть нашу и благоизволивъ родиться отъ Нея истинно, непреложно, яко совершенный младенецъ и во всемъ съ другими человѣками, кромѣ грѣха, соестественный человѣкъ; но будто бы Сынъ Божій, снисшедши отъ предвыспреннихъ своихъ на землю Духомъ своимъ Святымъ, вселился въ чуждую душу и плоть изліяніемъ токмо единыхъ слова благодати своея прежде уже общимъ закономъ естества человѣка, реченнаго Іисуса, какъ и Несторій мудрствоваше, въ безпорочности жизни, чистотѣ сердца и святости дѣлъ своихъ удостоившагося вселенія Божія, который, будучи помазанъ отъ Бога Отца Небеснаго невидимымъ помазаніемъ Духа Святаго, наименовался Христомъ Сыномъ Божіимъ; помазаніе же иное или усыновленіе познается у нихъ не чрезъ что иное, какъ чрезъ даръ слова ученія и пророчества, которое именуютъ они чудеснымъ; „поелику де оно рождается и происходитъ, истекаетъ и изливается отъ простаго сердца естественно безъ помощи просвѣщенія и руководства наукъ, но непосредственнымъ дѣйствіемъ токмо самого

Бога, неложно де исполняющаго обѣщаніе свое, реченное устами пророка: *и будетъ въ послѣдніе дни, яволетъ Господь, излію духи моего на всяку плоть и прорекутъ сынове ваши и дщери ваши, и юноши ваши видѣнія узрять и старцы ваши сонія видятъ; ибо на рабы моя и на рабыни моя во дни оны излію отъ духа моего и прорекутъ.* И сему то самому слову, или сказкамъ ихъ, вѣрують они слѣпо, какъ совершенному устному Слову Божію, исходящему изъ устъ самого Бога, именуюя оное Сыномъ Божіимъ, говорятъ: Богъ во плоти явился и Сынъ Слово Божіе. Итакъ, у нихъ Христосъ былъ ничто иное, какъ первоначальный учитель, Сынъ же Божій не по естеству, но по благодати, причастію и вселенію въ него токмо Духа Божія, равно какъ и всѣ прочіе угодники и святіи Божіи именуются.

А какъ они не признають того за истину, чтобъ Сынъ Божій былъ когда собственно своею плотію видимъ на землѣ, но токмо въ чуждемъ тѣлеси духовнѣ или мечтательнѣ, то самую жизнь Его, подъятыя нашего ради спасенія страсти, крестъ, смерть, во гробъ положеніе, изъ мертвыхъ возстаніе и вознесеніе на небеса, преславная дѣянія его и содѣянная на землѣ чудеса, все сіе берутъ въ таинственномъ смыслѣ и толкують оныя мистически, духовнѣ; весь божественный законъ и благочестивую религію нашу почитаютъ они простымъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ и единственною выдумкою премудрыхъ законодателей, изложенною въ равной силѣ, какъ и гражданскія постановленія, къ духовности ни малѣйшаго соотношенія не имѣющею; церковъ святыю именуютъ мірскою, плотскою, духа и священія въ себѣ никакого не содержащею и ничѣмъ отъ вѣтхозаконной, образующей, нынѣ отверженной, синагоги и прочихъ другихъ языческихъ церквей не различествующею, а предзнаменующую ихъ токмо тайную и духовную церковъ, всѣ ея чиноправленія, образъ богослуженія и прочія преданія, которыя она для различенія разныхъ сектъ усталила плотскимъ мудрованіемъ; священные обряды и таинства, самимъ Христомъ и Апостолами Его уставленные, ни малѣйшаго вліянія на души наша и никакой благодатной силы, дѣйствующей къ освященію и спасенію нашему, не имѣющими; но утверждаютъ, что они суть простое вещество и ничто иное, какъ токмо древніе египетскіе гіероглифы, тайно образующіе единственное ихъ высочайшее, духовное служеніе, и тайны слегка открывающіе, и весьма въ далечайшемъ видѣ міру оныя показываю-

щіе. Почему они къ нимъ не токмо никакого внутренняго благоговѣнія и душевнаго чувствія и признательности не имѣютъ, но съ острыми насмѣшками на тайныхъ бесѣдахъ своихъ и ругаются онымъ, о какихъ ругательствахъ ихъ срамно слышать, а писанію предать соблазнительно. Хотя же они, по наружности, исполняя законъ необходимости, ихъ и пріемлютъ, но совсѣмъ не въ той силѣ и цѣнѣ, въ какой ихъ постановила церковь.

Явные знаки пренебреженія ихъ къ таинствамъ церковнымъ.

§ 1. *Къ святому крещенію*: что они ходитъ въ кумовья и быть воспріемниками новокрещеннымъ младенцамъ за грѣхъ почитаютъ, потому что, по ихъ мнѣнію, младенцы рождены отъ нечистаго грѣха и суть ничто иное, какъ мірская нечистота; а *вещественное крещеніе*, то есть *водное*, по ихъ мудрованію, отъ первороднаго грѣха омыть и усыновить Богу, равно какъ и миропомазаніе даровъ Духа Святаго излить на крещающагося не можетъ.

§ 2. *Къ святѣйшей евхаристіи*: что они приступаютъ безъ должнаго вѣрующему христіанину къ сей величайшей благодати пріуготовленія, т. е. безъ чтенія надлежащаго правила, и даже пивши и ѣвши; все оное означаетъ то, что они приходятъ къ сему страшному таинству безъ вѣры и пріемлютъ святое причащеніе, какъ простую обыкновенную пищу, а не яко таинственное Тѣло и Кровь Христову; служить знакомъ презрѣнія ихъ къ таинству оному и то, что они во время праздниковъ христіанскихъ, когда безкровная жертва въ священныхъ храмахъ торжественно совершается и за грѣхи всего міра приносится Богу, и когда вся церковь, пламенѣя серафимскою любовью къ Искупителю своему, единодушно изливаетъ предъ Нимъ благодарственныя моленія, то они, удалившись отъ сообщества оной, исполняютъ своимъ богоотступнымъ соборищемъ свои особливныя бѣсовскія жертвы.

§ 3. *Къ таинству святаго исповѣданія*: что они отцамъ духовнымъ таинствъ своя вѣры не открываютъ; а изъ сего смѣло заключить можно, что грѣховъ своихъ на исповѣди не сказываютъ, и истиннаго раскаянія, какъ благочестивые христіане, въ оныхъ не приносятъ; доказательно, что сіе таинство не сознаютъ они таковымъ, каково оно есть для вѣрующихъ.

§ 4. *Къ священству призьрніе* доказывається тѣмъ, что у нихъ мѣста святительскія и прочія степени священства занимають не токмо простыя и неосвященные мужики, но даже женщины и дѣвки; если же когда кто попадаетъ въ ихъ заблужденіе имѣющій на себѣ какой либо священный санъ или иноческій, то уже ему никакого предъ другими послѣдователями ихъ секты, хотя и простыми мужиками, не даютъ преимущества, но по мѣрѣ дѣлъ его и мнимой ихъ благодати удоставаютъ его мѣста, и онъ, будучи въ ихъ собраніи, есть ничто иное, какъ простой слушатель и рядовой сочленъ ихъ общества. Они за едино почитаютъ гражданскіе чины и духовныя степени, будто бы оныя уставлены подъ тою же самою точкою зрѣнія, подъ каковою и свѣтскіе, никакого особеннаго божественнаго званія и освященія духовнаго не имѣющія. Они весьма издѣваются надъ священнымъ саномъ и говорятъ съ насмѣшкою, что будто бы вся духовность онаго переродилась въ чувственные знаки; монашескій, ангельскій, бѣловидный чинъ преобразился въ черный. Взирая же окомъ корыстолюбія на святительскія и прочихъ священнослужителей свѣтлыя и блистательныя украшенія, говорятъ, „что вся благодать ихъ окаменѣла и преобразилась въ дорогія каменья, золото и серебро, которое де могло бы многихъ удовлетворить и препитать бѣдныхъ, ради Бога провождающихъ жизнь свою въ бѣдствіяхъ и злостраданіяхъ, (подъ именемъ коихъ себя разумѣють), и хлѣба насущнаго неимѣющихъ“; вмѣсто же онаго благолѣпія, ознаменующаго служителей Божіихъ, почитаютъ они токмо длинныя бѣлыя свои рубахи, въ коихъ совершаютъ безумныя свои праздники.

§ 5. *Къ браку*: что они благословенное, законное супружеское сожитіе равно почитаютъ, какъ и незаконное любодѣяніе, почему весьма строго запрещаютъ жениться и посягать другъ за друга юношамъ и дѣвицамъ, нестати утверждая ученіе свое сими словами Спасителя: *въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси суть.*¹⁾ потому что они себя именуютъ воскресшими; равнымъ образомъ наикрѣпчайше возбраняють и супругамъ жить супружески, будто бы супруги должны любить другъ друга токмо духовно, якоже и Христось возлюбилъ церковь, и даже именовать мужамъ женъ своихъ

1) На полѣ: *Матѣ. м. 22, стихъ 30.*

не женами, но посестріемъ повелѣвають; плотское сожитіе у нихъ въ самой высочайшей степени преступленія и почитается за грѣхъ никакъ непростительный, а дѣтородіемъ гнушаются, яко нѣкоею нестерпимою мерзостію, каковая нетерпимость дѣторожденія и послужила главнымъ побужденіемъ къ скопчеству. Если они въ комъ изъ единовѣрцевъ своихъ замѣтятъ склонность къ тому и возымѣютъ хотя малое въ ономъ, по ихъ мнѣнію, грѣхъ подозрѣніе, тотъ уже въ обществѣ ихъ быть не годится; и не примутъ его дотолѣ, пока хорошенько не покается, а если и примутъ, то не иначе, какъ вновь входящаго невѣрнаго; мнимое же дѣвство или безженство у нихъ есть такая заповѣдь необходимая, безъ коей человѣку никакъ спастись невозможно, и будто бы безъ онаго всѣ добродѣтели предъ Богомъ суть ничто. поелику, какъ они мудрствуютъ, и первый человѣкъ не плода-де вкушеніемъ отъ заповѣданнаго ему древа преступилъ заповѣдь Творца своего, а паденіемъ-де, какъ говорятъ они, въ грѣхъ супружескаго совокупленія, чрезъ что лишившись первыя своея невинности и обнажившись благодати Божія, будучи снѣдаемъ стыдомъ и совѣстію, закрылъ листвіемъ смоковнымъ не уста свои, а тѣ части, коими стыдится человѣкъ.

§ 6. *О елеосвященіи же и прочихъ меньшихъ обрядахъ* и упоминать нечего, ибо невѣжды сіи, что не поражаетъ ихъ зрѣнія чудесными,— истинными ли, ложными ли, (въ томъ имъ нужды мало),—дѣйствіями, ничему тому не вѣрятъ и говорятъ: мы-де духовные, сія же таинства чувствами осязаемыя, притомъ же по совершеніи и освященіи никакой чудесной перемѣны въ нихъ не видится, почему и не признаемъ ихъ таковыми, каковыи ихъ міръ по слѣпотѣ своей, и, яко духовные, въ оныхъ чувственныхъ видахъ надобности не имѣемъ, научаясь оными апостольскими словами: *сущіи во плоти, плотская мудрствуютъ, а иже по духу—духовная, и паки: идѣже духъ, тамо свобода.*¹⁾

Удивительная слѣпота и невѣжество нашихъ кривотолковъ! Они, яко піяни суще, упившіе любодѣйственнымъ виномъ нечестія, не могутъ держаться средняго пути, ведущаго въ жизнь вѣчную, но то на ту, то на другую сторону уклоняются; одни изъ нихъ столь крѣпко держатся внѣшности, что все свое спасеніе въ ней токмо единой полагаютъ.

¹⁾ На полѣ: *Къ Рим. глава 8, стихъ 5.*

не токмо малѣйшіе обряды и преданія, но даже самыя частныя и ничего незначащія народныя обыкновенія въ необходимый и священный законъ себѣ поставляютъ, и столь стѣсняють умъ человѣческій, что не позволяютъ ему почти нимаю войти въ чертоги благоразсужденія, вникать во внутренность оныхъ и касаться духовности; а другіе все ввергаютъ въ какую то неопредѣлительную духовность, въ коей, яко безпредѣльномъ океанѣ, влаяя во всю жизнь свою, не находятъ никакихъ границъ и предѣловъ, не признають никакой пользы или надобности въ видимыхъ, не токмо маловажныхъ, обрядахъ и преданіяхъ, но отвергаютъ даже самыя къ полученію Царствія Божія необходимыя человѣку таинства, за то единственно, что они зрѣніемъ нашимъ постигаются и чувствами осязаются.

О священныхъ догматахъ, споспѣшествующихъ къ открытію истинъ благочестивой вѣры нашей, они и понятія не имѣють, да и знать объ нихъ не хотятъ; вѣруй токмо, говорятъ, несумнѣнно въ Бога, вѣра сама по себѣ откроетъ де истину и доведетъ до пути спасенія. Но мѣсто догматовъ заступаютъ у нихъ басни, затѣи и причуды, онымъ сумасбродамъ сіи служа заповѣдями евангельскими и совѣтами; они иногда совѣты и даже малѣйшія преданія, обычаи и обряды, кои имъ полюбятся, поставляютъ выше самыхъ заповѣдей и необходимыхъ христіанскихъ обязанностей. Сны же почитаютъ неприминемыми истинами Божескихъ откровеній.

Не вѣрують тому, что будетъ кончина міра существеннѣ, но подѣ именемъ оной разумѣють они каждого человѣка собственную свою смерть, общаго воскресенія человѣческихъ тѣлесъ не чають, втораго пришествія Господня со славою и Страшнаго Суда его не ожидаютъ, но именуютъ вторымъ пришествіемъ появленіе главнаго своего учителя, о коемъ будетъ объяснено ниже, а Страшнымъ Судомъ разумѣють они пророчество или пустые болтні учителей, пророковъ и пророчиць своихъ, устами коихъ якобы Христосъ ихъ судить имъ.

Особеннаго бытія невидимыхъ духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не признають, а заключаютъ все существованіе оныхъ въ единомъ токмо *человѣкѣ*. Они, слѣдуя пифагорическому догмату или языческому, именуемому шаманскому, существующему въ странахъ Индіи и Китая закону, вѣрують душъ преселенію; будто бы по смерти добрыхъ и

угодившихъ Богу челоѣковъ души преобразуются въ *ангеловъ*, а иныя, причисляются по мѣрѣ заслугъ своихъ къ *ликамъ прочихъ святыхъ*; злыя же и грѣшныя приобращаются въ *дѣволовъ*, а нечестивыя, кои не познали пути Божія, то есть вѣры ихъ, въ *скотовъ, гадовъ и проч.*, и цаки изъ скотовъ и гадовъ переходятъ въ *новорождающихся младенцевъ*, потому что младенцы, по ихъ умствованію, рождаются отъ нечистоты, а за несмысленностью своею познать ихъ пути или прелести не могутъ; въ *послѣдователей* же ихъ секты, по духовномъ ихъ рожденіи, вселяются *праведныхъ души*; духовнымъ порожденіемъ разумѣютъ они то, когда уже совершенно примутъ челоѣка въ свое заблужденіе, будто бы тогда челоѣкъ вовсе переродится и будетъ духовный, а не плотской, начнетъ уже жить духовно, или по духу святому, а не плоти. *Духъ Христовъ* будто бы вселяется въ *христовъ* ихъ, *ангельскіе духи* переходятъ въ *ангеловъ* ихъ, т. е. *скопцовъ, пророческія въ пророковъ, апостольскія въ апостоловъ, а прочія въ прочихъ, имъ послѣдующихъ*. По сей то причинѣ сіи прельщенные не токмо всѣ оныя благодатныя чины принимать на себя не стыдятся, но и безплотными силами именовать себя дерзаютъ, и думаютъ они, что и тѣ всѣ чины должны быть на землѣ присными и всегда пребывающими, равно какъ и въ нашей благочестивой церкви священства различны степени, а не якобы своему времени подлежащими. Они, вѣруя взаимному душъ прехожденію, такъ тѣсно небо съ землею сближаютъ и смѣшиваютъ небесную іерархію съ землею, что будто бы земля для нихъ ничѣмъ не различествуетъ отъ неба, потому что будто бы самъ Богъ, сходя къ нимъ съ небесъ со всѣми святыми своими ангелами, архангелами, херувимами, серафимами и всѣми силами небесными, также пророками, апостолами, святителями, мучениками, преподобными и всякимъ духомъ праведнымъ, пребываетъ съ ними въ плоти, видимо утѣшаетъ и убажаетъ ихъ, а они предъ нимъ ликуютъ и кружатся здѣсь на землѣ, мечтая, что по смерти также будутъ кружиться и на небесахъ.

Такимъ то образомъ и пребываетъ лживый христосъ ихъ всегда съ ними, преселяется по достоинству изъ одинаго ихъ въ другого духомъ своимъ по смерти ихъ, отъ одного и во многихъ, является имъ, токмо единымъ ученикомъ своимъ, а не всему мірови, и пребудетъ съ ними вѣрующими въ него видимо живой во плоти до скончанія вѣка, а они соблазняются оными пречистыми словесами Спасителя на-

шего: *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь.*¹⁾ И вѣрують тому несумнѣнно.

б. *О превратномъ ихъ Священнаго Писанія и святыхъ иконъ толкованіи.*

Они все Священное Писаніе почитаютъ перемѣшанною ложью съ истиною, толкуютъ его превратно, не слѣдуя прямому разумѣнію святыя церкви, но кто какъ хочеть по собственному своему произволенію, иногда иносказательное и аллегорическое знаменованіе берутъ за прямыя дѣйствія, а сущія историческія дѣянія, сами въ себѣ бывшія, за иносказательныя, прилагають духовное на чувственное, чувственное же на духовное, представляютъ невидимое видимымъ и неосязаемое осязаемымъ, а видимое и осязаемое невидимымъ и осязаемымъ. Кто же изъ нихъ больше бредить и удаляется отъ истины, тому со благоговѣніемъ они удивляются и исповѣдуютъ въ немъ мнимой ими Божіей благодати приумноженіе.

О паденіи первобытнаго человѣка разумѣють такъ, что будто бы въ самомъ дѣлѣ ни Адама, ни рая не было, но единственная причта: *Адамъ—умъ нашъ, Ева—душа, жена или помощница—плоть, Едемъ—общество божіихъ людей, дерева райскія—ихъ согласія чловѣки, древо среди рая красное, въ снѣдь прелестное—женскій полъ, змій—плотское возделаніе, чрезъ которое чловѣкъ падаетъ въ любодѣліе, а плодъ древа—самый грѣхъ или сласть грѣха.*

О прохожденіи Израильтянъ сквозъ Чермное море: *Израильтяне, впрующіе въ Бога, суть раби истиннаго Бога, Египетъ—міръ, фараонъ—грѣхъ, Моисей—Законъ Божій, жезлъ Моисея—сила онаго, прохожденіе чрезъ Чермное море—избытіе мірскихъ соблазновъ, пустыня Сенааръ—совершенное удаленіе и отверженіе міра, манна—слово Божіе, скрижали закона—чловѣческое сердце.*

О воплощеніи Сына Божія: *градъ Назаретъ—святыня, святая дѣва Марія—то у нихъ чистая непорочная душа, архангелъ Гавріиль—обогащенный благодатію Божією чловѣкъ, зачатіе Сына Божія во чревь—вселеніе въ душу Духа Святаго и изліяніе благодати его, рождество Христово—явленіе слова Божія и дара пророчества, страданіе и крестъ—поносная и скорбная жизнь, смерть—грѣхопаденіе, во гробъ*

1) На полѣ: *Матв. глава 28.*

положеніе—лишеніе благодати Божіей и ослѣпленіе житейскими попеченіями, воскресеніе—истинное покаяніе, вознесеніе—преуспяніе въ добродѣтели.

О самаряныни: самаряныня есть грѣшная душа, кладезь—крещеніе, животь—вода, духъ святой, пять мужей—пять книгъ Моисеовыхъ.

О Лазарѣ: болящій Лазарь есть человѣческой умъ, немощію побѣждаемый, смерть Лазарева—грѣхи, сестры его: Марфа—плоть, а Марія—душа, гробъ—житейскія попеченія, гробный камень—сердечное окаменѣніе, обязаніе укроями—пленицами грѣховными, воскресеніе—отъ грѣховъ покаяніе.

О Христовомъ на жребяти осли во Іерусалимъ вшествіи: Іерусалимъ есть весь міръ, ослица есть жидовскій родъ, яремъ закона Моисеова носящій, жиды суть невѣрующіе челоѣпки, законъ Моисеовъ—наша «благочестивая вѣра, кою они почитаютъ плотскою, а Моисеемъ изобрѣтателея оной (sic), жребя—родъ челоѣпческой, предъидущія ученики суть древніи святіи Божіи, ученики послѣдствующіе—т. е. вновь въ ихъ секту приходящія, ризы по пути—умерщвленная плоть, ваиа финикъ—побѣда грѣха или смерти, зовущіе отроки—незлюбивіи и праведные челоѣпки.

О содѣянныхъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святыми угодниками Его преславныхъ дѣяніяхъ и чудесѣхъ говорятъ такъ:

Ходитъ де по морю, аки по суху, значитъ жить въ міръ и не касаться соблазновъ онаго, горѣть въ огнь и не сгорать, быть въ искушеніяхъ и не побѣждаться ими, исцѣлять разслабленныхъ значитъ подкрѣплять маловѣрныхъ, удерживать колеблющихся и импьющихъ наклонность къ грѣхопадению, возставлять болящихъ отъ одра—ободрять унывающихъ и возбуждать лѣнливыхъ къ добродѣтели, давать слѣпымъ прозрѣніе—научать истинной вѣрѣ и просвѣщать истиннымъ боіопознаніемъ, отверзатъ слухъ глухимъ—проповѣдывать Слово Божіе и вперять въ сердца страхъ Божій, отверзатъ уста нѣмымъ значитъ поощрять на хвалу и славословіе Божіе, воскрешать мертвыя есть возбуждать грѣшниковъ на покаяніе. А упоминаемая въ Посланіи святаго Апостола ко Евреомъ милоти и козѣи кожи, въ коихъ святіи Божіи проидоша поприще жизни своея, у нихъ суть святыя наши таинства и обряды благочестивой нашей церкви, коими прикрываяся, они провождаютъ жизнь свою. Изъ сего всякому ясно видѣть можно, до какой степени

хула и злоба сихъ коварныхъ отступниковъ на благочестіе простирается; они весь міръ, кромѣ токмо себя, почитаютъ смердящимъ козлищемъ и нечистотою, а святую благочестивую христіанскую вѣру нашу не инымъ чѣмъ, какъ единымъ стареднымъ рубищемъ, чуждою и совсѣмъ имъ непринадлежащею одеждою. *Пустыни, обитающія на лицѣ земли, по ихъ, неспрующіе чловѣки, горы суть святыя храмы и честныя обители, вертепы и пропады земныя—жилища и дома чловѣческія.* Гдѣ же не могутъ сущей исторіи предложить на иносказательное, тутъ они, какъ пѣнты, не токмо значенія цѣлыхъ реченій предлагать на иной смыслъ, но и самыя буквы премѣнять имѣють волю: вмѣсто *тѣло Христово пріимите—дѣло Христово несите*, то есть творите, вмѣсто *разрѣшеніе вина и елея—прощеніе грѣховъ, отпушеніе вина и прекращеніе ссоръ и вражды, Иорданъ рѣка*—то у нихъ *гортань*, изъ которой исходитъ, по ихъ мнѣнію, слово Божіе, *рѣки изъ чрева*—то суть *рѣчи* или обиліе въ словѣ ученія.

Не миновали сей же участи превратнаго толкованія оныхъ безразсудныхъ кривотолковъ и иконы святыя. Они силу изображенныхъ на нихъ дѣйствій не просто, какъ наша благочестивая церковь, и не въ прямомъ разумѣ понимаютъ. *Иконостасъ* въ церкви означаетъ у нихъ *полное ихъ собраніе и празднованіе великое, деисусъ—малый праздникъ, двенадцатые праздники—ихъ дѣйствія, происходящія во время богомолія ихъ, различныя явленія иконы Пресвятыя Богородицы—то разныхъ пророчищъ ихъ.*

§. Образъ именуемый *Софія Премудрости Божіей*, знаменуетъ учителя ихъ, именуемаго христомъ; посредѣ образа изображенный видъ пламеннаго архангела—то обозженный умъ его, ибо Богъ огонь есть поядая; что онъ крылатъ, изъявляетъ быстрое и скоротечное возношеніе въ выпренняя небесъ, то есть непосредственное дерзновеніе его къ престолу величества Бога Отца въ порфирѣ царской; что истинный образъ и Сынъ Царя Небеснаго, десницею благословляющій, въ шуйцѣ же имѣющій жезлъ, знаменуетъ великую власть его духовную и царскую, что онъ на престолѣ, яко поставленный отъ Бога Судія вселенныя; одесную его предстоящая Богородица—то пресвятая душа его, имѣющая во чревѣ превѣчнаго младенца; вселившееся и пребывающее въ ней Слово Божіе—то есть даръ пророчества; съ рясками одежда на ней—благодать Божія, крыль ея—скорое стремленіе къ добродѣтели,

а ошую его Предтеча—то пречистая плоть его, одежда на немъ отъ власть велбужіихъ—неможное и человѣческое, поясъ усменъ о чреслѣхъ его—то прискорбная жизнь и умерщвление плоти, крылѣ его—легкое и безпечальное прохожденіе міра сего, нелѣностное теченіе на подвиги, также скорость бѣганія на Кругу, на всѣхъ ихъ царскія діадимы означаютъ царствованіе надъ грѣхомъ, а что вверху образъ Спасителя—присное духа Христова въ немъ пребываніе.

§. *О изображеніи архангела Михаила* сидящаго на крылатомъ огненномъ конѣ, попирающаго ногами онаго и колющаго имѣющимся въ шуйцѣ своей копіемъ Люцифера, десницею же держащаго Евангеліе и имѣющаго на главѣ корону, а надъ собою воздушную дугу, разумѣютъ они такъ: будто бы оный образъ означаетъ человѣка Божія скопца, начально изобрѣтнаго скопчество, самый архангелъ—то душа или умъ, огненный крылатый конь—обожженная плоть его, копіе—произволеніе или орудіе, чѣмъ оный скопилъ себя, Люциферъ—вождедѣніе, поощряющее на плотное совокупленіе, корона тоже значить, какъ выше сказано, дуга—знакъ примиренія или завѣта съ Богомъ и дара благодати его, въ десницѣ Евангеліе—Слово Божіе, архангеломъ онъ названъ потому, что первый изобрѣлъ скопчество, очистилъ плоть свою и сдѣлался безплотнымъ.

§. Почитаютъ также вымысломъ они и образъ великомученика *Георія*, тоже значущимъ, что икона архангела Михаила: будто бы въ натурѣ его не было; что онъ убилъ змія великаго, пожирающаго многихъ людей и избавилъ дѣвицу, отданную оному звѣрю на снѣдѣніе, (то) подъ именемъ *Георія* разумѣютъ они умъ, дѣвица дочь царская есть у нихъ душа, бѣлый конь, убѣленная скопчествомъ плоть, копіе—орудіе, змій—вождедѣніе, градъ—небо, смотрящій Царь, отецъ дѣвицы оной, въ стѣнѣ града—взирающій на подвигъ скопчества Богъ, и прочая.

7. *О дьяніяхъ ихъ и тайнахъ.*

Вездѣ во всемъ разсѣяніи оныя раскольники, хотя и одинаго заблужденія или, какъ говорятъ, пути Божія, но дѣлятся на разныя сонмища и собранія. И сіи свои сонмища, каждое въ особенности, именуютъ иносказательно кораблями; каждый ихъ корабль или стругъ проклятый имѣетъ своего особеннаго кормчаго, то есть учителя, книги животныя, ангеловъ и архангеловъ, апостоловъ, проповѣдниковъ и пророковъ; учителя у нихъ именуются *христами*, потому что въ нихъ

будто бы непосредственно живетъ духъ Христовъ; *спасителями*—что они будто бы человѣческое естество отъ грѣха искупають, клятвы законныя избавляють, съ Богомъ Отцомъ примиряють и черезъ Духа Святаго въ чистотѣ передъ нимъ поставляютъ; *родимыми*—что они вѣрующихъ духовно рождаютъ, то есть приводятъ и принимаютъ въ свою прелесть; *кормилицами*— что они питають души пищею духовною, т. е. Словомъ Божиимъ; *книжи животныя* называются книгами для того, что изъ нихъ происходитъ слово животное, то есть изъ утробы ихъ—устное поученіе; *богородицами*—что изъ нихъ рождается Слово, Сынъ Божій; *пророчицами*—что пророчествуютъ; а *нянями*—потому, что ходять за больными скопцами по оскопленіи ихъ, при оскопленіи же помогаютъ имъ, и вновь принимаемыхъ въ ихъ секту, какъ воспріемницы, берутъ подъ свой присмотръ.

Ангелы ихъ и *архангелы* именуется безплотными силами потому, что они, скопившись, якобы плоть свою очистили; и сдѣлались совершенно безплотными и, будучи ограждены сею ихъ мнимою благодатію, грѣшить уже не могутъ; *апостолами*—у нихъ тѣ, кои уловляютъ и привлекають людей въ ихъ заблужденіе; *проповѣдниками*, что проповѣдуютъ пришествіе мнимаго Христа своего; *пророками или дѣльными людьми*—что они ходять въ словѣ и дѣлѣ Христовомъ, то есть пророчествуютъ на Кругу; прочихъ же послѣдователей—*святыми и праведными*, всѣ же вообще они именуется братцами и сестрицами, дѣвственниками, полевыми монахами, духовными людьми и сынами Божиими.

Поступающему въ учительскую должность никакого у нихъ видимаго посвященія не бываетъ, но берутъ они на себя оный великій санъ сами собою, токмо по прореченію на Кругу мнимаго ихъ духа святаго, а иногда по завѣщанію прежде бывшихъ ихъ учителей; испытанія больше никакого не дѣлають; не требуется отъ нихъ ни изящности ума, ни отмѣннаго знанія въ Священномъ Писаніи, ни искусства въ Законѣ Божіемъ, кромѣ токмо единаго пророчества своего, чтобъ умѣли ходить въ словѣ, или лучше сказать—проворно плутовать и искусно обманывать; у нихъ какъ учителя, такъ и пророки большею частію бываютъ безграмотные, они не токмо не стыдятся невѣжества своего, но и за честь себѣ ставятъ называться некнижными, но будто бы Святымъ Духомъ просвѣщенными и самимъ Богомъ умудренными рыбаками, безграмотными архіереями, а пророки и пророчицы ихъ

безграмотными попами, мечтаая о себѣ безразсудно, якобы къ нимъ сказаны Спасителемъ нашимъ слова, а именно: *исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ; ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ тобою.*¹⁾ Есть изъ учителей ихъ такіе, которые *Господи помилуй* и *аминь* порядочно сказать не умѣютъ, а занимаются сами отъ тѣхъ мнимыхъ своихъ дѣтей духовныхъ, кои мало-мальски имѣютъ понятіе о Священномъ Писаніи; послѣдующимъ сему заблужденію нѣтъ и до того дѣла, что бывають у нихъ въ ономъ степени (sic) люди весьма подозрительные, увы, крайняго ослѣпленія душевнаго. Вручатъ себя таковымъ вождямъ безъ всякаго сумнѣнія, которые не токмо другихъ надежно во свѣтѣ истины водить не могутъ, но и сами бродятъ въ глубокой тьмѣ недоумѣнія и почитать ихъ паче, нежели истинныхъ и Святымъ Духомъ черезъ возложеніе рукъ освященныхъ пастырей, и всѣ пустые звяги и нелѣпныя бредни отъ сущихъ невѣждъ принимать за Слово Божіе, яко отъ устъ самого Бога исходяція, — не есть ли подлинно совершенное безуміе?

Въ случаѣ же недостатка таковыхъ плутовъ изъ мужскаго пола, занимають учительскія мѣста женщины и дѣвки, коимъ они равно повинуются, какъ и самимъ учителямъ безъ всякаго зазрѣнія и прекословія, утверждаяся на реченіи святаго Павла: *нѣсть мужескій полъ, ни женскій, вси бо едино есте о Христвъ Исусѣ.*²⁾

Безъ благословенія учителей своихъ они никакого богомолья и дѣйствія не начинаютъ, также принимать изъ вновь приходящихъ въ ихъ пагубную секту никого не смѣютъ. Сверхъ оныхъ есть у нихъ высочайшій учитель, о имени его здѣсь упоминать почитаю за излишнее, да и въ письмахъ своихъ онъ никому нигдѣ не объявляетъ онаго, послѣдователи сему даютъ имя, съ здравымъ разсудкомъ совсѣмъ несовмѣстное; но довольно, кажется, сказать сего, что его вообще всѣ хлысты, какъ самые учителя, такъ и прочіе именуютъ *Государемъ Батюшкою*. Оный Государь Батюшка всегда пребываетъ въ единомъ изъ первѣйшихъ городовъ, къ коему со всѣхъ сторонъ и изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ сіи ослѣпленные послѣдователи пріѣзжаютъ на

¹⁾ На полѣ: *Луки глава 10, стихъ 21.*

²⁾ На полѣ: *Галат. глава 3, стихъ 28.*

поклоненіе, чтобъ принять отъ него благословеніе, а онъ, благословляя ихъ, одѣляетъ *крестами* и даритъ *иконами*, отсутствующимъ же посылаетъ *сухарики*, коими будто бы онъ самъ питается, неслуженыя *просвиры*, бараночки, и какую то свою проклятую *воду*, именуемую отъ нихъ святою, кои подарки принимаютъ они съ неописанною благодарностью и яко отъ рукъ самого Бога, величайшую святыню употребляють съ крайнимъ благословеньемъ; оный сынъ беззаконія прелестникъ и похититель священнѣйшаго имени Христова именуетъ себя непосредственно *Сыномъ Божіимъ, Искупителемъ и Главою всей Христовой церкви*, вѣрующихъ же въ него своею *церковью*, за которую будто бы пострадалъ и пролилъ кровь свою, какъ и въ письмахъ своихъ или, какъ говорятъ они, посланіяхъ подписывается ¹⁾...

послѣдующіе же именуютъ его аллегорически *Богатымъ Гостемъ* то есть купцемъ, торгующимъ безцѣнными товарами, *Словомъ Божіимъ рькою Дономъ*, отъ котораго происходятъ, яко источники, всѣ ихъ учителя и пророки.

Послѣдователи оныя секты, хотя и всѣмъ учителямъ своимъ вѣрують безъ сомнѣнія, что имъ все впредь случится имѣющее открыто и будто бы знаютъ они мысли и намѣренія человѣческія, кольмы паче до конца увѣрены въ ономъ Богатомъ своемъ Гостѣ, что онъ всевѣдущъ, что видитъ и тѣхъ сердца, кои живутъ отъ него въ отдаленности, равно какъ и при немъ живущихъ, и будто бы отъ него токмо одинаго зависитъ судьба и участь всего міра. Но всевѣдѣніе сего Великаго Дона показалось на мнѣ такъ же недостаточно, какъ и прочихъ учителей и пророковъ, ибо онъ вѣрно не зналъ, что собиралъ я свѣдѣнія съ непремѣннымъ моимъ намѣреніемъ открыть и изобличить ихъ тайны, дабы чрезъ то яснѣе показать плутовство и обманъ ихъ и совершенную прелесть послѣдующихъ какъ оному Дону, такъ и душе-

¹⁾ Этимъ словомъ оканчивается 25 л. (об.) рукописи; далѣе идетъ незаполненная страница 26 л., на коей внизу написано:

„Изображеніе хлыстовъ скопцовъ Отца,
Они всѣ чтутъ его, какъ Бога и Творца.
Иносказательно жъ то Дономъ называютъ,
То Гостемъ тако же Богатымъ величаютъ.

Очевидно, въ оригиналѣ, съ котораго была списана рукопись, на этой страницѣ былъ помѣщенъ портретъ Искупителя, подъ которымъ находилось вышеприведенное стихотвореніе.

пагубному общему ихъ ученію. Явнымъ доказательствомъ общаго ихъ невѣдѣнія служитъ то, что они мнѣ не меньше другихъ, находящихся въ ихъ сектѣ, открывали свои тайны, и знаменитымъ учителемъ и пророкомъ быть мнѣ у нихъ прорекали, если бы токмо захотѣлъ я совершенно быть сообщникомъ ихъ заблужденія.

Всѣ они на портретъ онаго Богатаго Гостя своего, яко на истинное изображеніе Іисуса Христа, и сами на себя другъ на друга взаимно молятся и кланяются съ крестнымъ знаменіемъ въ землю не токмо на праздникахъ своихъ, но и при каждомъ свиданіи ихъ, если гдѣ не будетъ какого препятствія; почему они когда приходятъ къ кому изъ своихъ единовѣрцевъ въ домъ, то, по обычаю помолясь святымъ образомъ, спрашиваютъ у хозяина дома: *чистъ ли полъ*, то есть: всѣ ли въ ономъ домѣ ихъ согласія и нѣтъ ли кого изъ иновѣрныхъ. Ибо они себя токмо именуютъ бѣлыми, прочихъ же всѣхъ черными и не чистыми, и когда скажетъ хозяинъ, что чистъ, то и поклоняются они одинъ другому какъ должно, а если *нечистъ полъ*, тогда поздравляютъ другъ друга просто.

На учителей своихъ молятся, какъ на сущаго живаго Христа, на начальныхъ нянекъ, какъ на Богородицу, на прочихъ же пророковъ и пророчицъ, какъ на истинныхъ святыхъ Божіихъ пророковъ, апостоловъ и угодниковъ, и всѣ послѣдующіе сами на себя, какъ на сущій образъ Божій и иконы святыхъ.

Я уже выше упомянулъ, что въ „Розыскѣ“ святителя Христова Дмитрія Ростовскаго означено, что послѣдователи христовщины поклонялись тогда ложному христу своему еще безъ крестнаго знаменія: *въ томъ, рече, скитъ или толку обрѣтается нѣкій мужикъ, его же зовутъ христомъ и яко Христа почитаютъ и кланяются ему безъ крестнаго знаменія*, Также и о Кругѣ ихъ тамъ же упомянуто; можетъ быть, подлинно у нихъ тогда еще не было сего обыкновенія, чтобъ кланяться ему съ крестнымъ знаменіемъ и кружиться, а введено уже послѣ того, какъ обыкновенно малое преступленіе влечетъ за собою большое и при томъ дерзновеннѣйшее, ибо сія секта отъ часу болѣе присовокупляетъ къ себѣ новыя заблужденія, или коварствомъ оныхъ раскольниковъ утаено было тогда отъ тѣхъ, кои сему святителю объ ономъ объявили, да и вѣроятно, потому что они не скоро другимъ откроютъ сіи свои тайны.

¹⁾ На полѣ: *О дѣяніяхъ раскольниковъ. Часть 3, глава 18.*

Возлюбленная братія! Помыслимъ объ оной богоборной сектѣ, не она ли та самая дверь, отверзающая свободный входъ и показующая удобную стезю, грядущему въ міръ, самимъ Христомъ и святыми его апостолами предреченному, сыну беззаконія антихристу; ибо когда люди сдѣлають навѣкъ поклоняться живому человѣку, какъ существу Христу Богу, когда всѣ таинства святыя, видимо самимъ Христомъ преданныя и установленныя, свидѣтельствующія и утверждающія неложное Его плотское, уже бывшее къ намъ пришествіе и пожитіе на земли, отвергать и не инымъ чѣмъ почитать, какъ единымъ вымысломъ стануть, то безъ всякой трудности человѣки охотно поклонятся тогда и сему проклятому обояннику (sic), какъ Истинному Богу и примуть все его развращенное и богопротивное ученіе, такъ же, какъ ученіе Іисуса Христа. Но развѣ то токмо единое можетъ сему послужить препятствіемъ, что младая оная гидка *хлыстовщина*, чувствуя еще слабость свою, боится на свѣтъ показать безстыдное чело свое, потому что общество ея состоитъ изъ просвѣщенія и невѣжества, но не сладѣтъ ли (sic) иногда невѣжество самымъ просвѣщеніемъ, ослѣпивши его корыстолюбіемъ. Если жъ къ невѣждамъ симъ присовокупятся крѣпкіе умы, то что тогда будетъ. И если къ сему злу присоединится какимъ либо образомъ другое не менѣе опасное т. е. дерзкое и по остротѣ своей болѣе крѣпости въ себѣ имѣющее вольнодумство, то два сіи пагубные источники какихъ несчастій, какихъ язвъ и опустованій (sic) не навлекутъ роду человѣческому! Какихъ опасностей не породятъ въ христіанствѣ! И чего православіе и церковь ожидать тогда будутъ должны?

Оныя раскольники, хотя и всѣ одинаго Согласія, однако учителя ихъ весьма строго воспрещаютъ входить въ другіе корабли, то есть: къ другимъ учителямъ, и праздновать на чужихъ праздникахъ, развѣ въ превеликой нуждѣ, дабы не развлекались сердцами и не разсѣивались любовно къ другимъ учителямъ и братіи иныхъ скопищей. Нерѣдко нянька ихъ и пророчицы между собою ссорятся и за то, если которую изъ нихъ больше другихъ любятъ, и если у одной бывають чаще сборища и праздники многочуднѣе, нежели у другой, потому что оныя суевѣрные богомольцы приходятъ по большой части съ хорошими гостинцами и приносами; и тѣ наставники и наставницы ихъ нѣкоторымъ образомъ гордятся предъ прочими своими сверстницами, у коихъ въ кораблѣ больше числомъ народу и притомъ если по доста-

точнѣе; или какія кто имѣетъ на себѣ почести, потому что тѣ учителя несравненно предъ другими малосильными ведутъ себя деликатнѣе и живутъ довольнѣе, получая отъ дѣтей своихъ духовныхъ хорошіе доходы.

Праздники называются у нихъ *тайными вечерами*, мѣста въ коихъ бывають у нихъ сборища и богомолія именуются *монастырями*, а избы— *сіонскими горницами*, въ коихъ будто бы сходитъ къ нимъ Духъ Святой такъ же, какъ снизшелъ прежде на апостоловъ въ Сіонѣ въ день Пятидесятницы; оныя избранныя и нарочно на то устроенныя горницы большею частію бывають у безумныхъ учителей ихъ или нянегъ; для лучшей же безопасности, чтобъ меньше слышенъ былъ стукъ и топоть, каковыя они, радѣя, то есть кружася, производятъ ногами и чтобъ не такъ далеко раздавался отголосокъ отъ пѣсенъ и гоготанія ихъ, достаточные изъ нихъ люди, а особливо по городамъ, роютъ потаенныя подземныя погреба, а иные на чердакахъ высокихъ зданій и на антресоляхъ строятъ внутреннія горницы.

Два рода бываетъ у нихъ праздниковъ: одни *большіе*, а другіе *малые*. Большими я именую не потому, чтобъ въ нихъ, какъ въ нашей церкви, была какая нибудь отличная служба; форма и сила дурачествъ ихъ всегда и вездѣ одинакова. Но большими называю для того, что они бываетъ несравненно многлюднѣе и продолжительнѣе малыхъ и имѣютъ себѣ предположительное и извѣстное время и назначенные дни; а малые бывають случайно, коимъ время не назначается, и производятся они большею частію у нихъ для какихъ нибудь нечаянно прѣзжающихъ гостей. Первые празднуются у нихъ во время храмовыхъ праздниковъ тѣхъ церквей, къ которымъ тѣ дома, въ коихъ должны они собираться, въ приходъ принадлежать, особливо же, для лучшей свободы и безопасности, во время ярмонскъ, а по городамъ, когда бывають со святыми образами публичныя ходы, для того, что весь народъ тогда выбирается изъ домовъ своихъ и бываетъ въ движеніи. На малыхъ ихъ сборищахъ бываетъ отъ трехъ до десяти и больше, а на большихъ отъ десятковъ до нѣсколькихъ сотъ чловѣкъ. При началѣ, когда поютъ начальную молитву, бывають всѣ вмѣстѣ они, какъ мужскій полъ, такъ и женскій, также вкупѣ и слушаютъ слово отъ начальныхъ пророковъ своихъ и пророчиць, а радѣютъ или кружатся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ порознь. Большіе праздники у нихъ продолжаются по нѣскольку дней, а иногда и по недѣли, каково хозяину ихъ удастся

затереть пиво, то есть какъ будетъ удаченъ и весель праздникъ и какъ тоги будутъ легки и свободны сердцами.

Намѣренія праздниковъ ихъ совсѣмъ не тѣ и не въ томъ смыслѣ и силѣ ими заключаются (sic), съ каковыми наша благочестивая церковь совершаетъ свои праздники. Она творитъ торжественное воспоминаніе бывшихъ уже въ свое время на благодѣяніе роду человѣческому великихъ дѣлъ Божіихъ и святыхъ угодниковъ его, ознаменовавшихъ примѣрными добродѣтелями и почти невѣроятными подвигами жизнь свою, къ единственному подражанію онымъ, а они празднуютъ ихъ, сближая всѣ вмѣстѣ въ настоящемъ видѣ, ибо у оныхъ безразсудныхъ изувѣровъ какъ благодатные чины, такъ и праздники суть присныя и будто бы они никогда опредѣленнаго себѣ времени не имѣли.

Кругъ у нихъ есть ничто иное, какъ душа всѣхъ праздниковъ и таинствъ ихъ, безъ коего они никакого празднества не начинаютъ и не совершаютъ; пророчество же или изустное поученіе всѣхъ чудесъ чудо. Въ первомъ, то есть въ Кругу, заключается у нихъ Благовѣщеніе, Зачатіе, Рождество Христово и Воскресеніе, Сошествіе Святаго Духа, Вознесеніе, Второе Пришествіе и Страшный Судъ Христовъ, Крещеніе, Причащеніе и всѣ таинства; а во второмъ, т. е. въ пророчествѣ — грѣшнымъ грѣховъ отпущеніе, слѣпымъ прозрѣніе, разслабленнымъ исцѣленіе, на одрѣ лежащимъ возставленіе, мертвымъ воскресеніе и прочее, ибо сіи отступившіе отъ истиннаго Бога, не имѣя той благодати и силы, чтобъ самымъ дѣломъ творить чудеса, вмѣсто оныхъ, на прельщеніе несмысленнымъ, подводятъ уподобительныя и совсѣмъ ложныя; *Благовѣщеніемъ* у нихъ разумѣется пронареченіе кому вновъ пророчества, *Зачатіемъ* — когда онъ почувствуетъ въ себѣ способность къ пророчеству, *Рождествомъ* — то, когда начнетъ пророчествовать или пойдетъ въ словѣ, *Крещеніемъ* — когда начнетъ кружиться, приготавливаться къ слову, *Воскресеніемъ* — когда ощутитъ въ себѣ духъ и силу къ пророчеству, *Сошествіемъ Святаго Духа* — изліаніе на него мнимой благодати и дара слова, *Вознесеніемъ* — окончаніе онаго, а *Причащеніемъ* — слышаніе слова и прочая; тоже значить у нихъ, какъ выше сказано о Сошествіи, и Второе Пришествіе и Страшный Судъ, а гласъ и уста пророковъ ихъ — то у нихъ живогласныя и златыя архангельскія трубы.

Но какъ Кругъ есть первѣйшій предметъ всѣхъ ихъ глупостей, то и препровождаютъ они праздники свои почти въ безпрестанномъ посолонѣ круженіи, останавливается токмо оный ихъ Кругъ во время обѣда и когда ходятъ въ словѣ пророки. Нѣкоторые изъ нихъ вертятся по единому на одномъ мѣстѣ, какъ жерновъ, или упоминаемая въ житіи преподобнаго Макарія полприца (sic), такъ быстро, что и глазъ ихъ не видно, отъ таковаго быстрого стремленія волосы на головѣ поднимаются вверхъ на воздухъ, на мужикахъ рубахи, а на женщинахъ платья раздуваются, какъ труба, и происходитъ отъ нихъ чувствительный вихорь; иногда же всѣ вообще, по ихъ выраженію—въ стѣнку, составляя всеобщій кругъ, и если посмотрѣть на сію ихъ жалкую сцену, когда хорошенько сладятъ, то представится совершенно какъ бы и подлинно плавающій по воздуху или водѣ кругъ, колеблющійся и слегка поднимающійся, какъ единою машиною. Оный Кругъ знаменуетъ у нихъ чанъ или купель духовную, какъ и молва въ народѣ носится, будто бы они въ чану купаются, но сей чанъ у нихъ не изъ чувственныхъ достоекъ, а изъ плотей человѣческихъ состоитъ. Въ сей то, по ихъ выраженію, духовной купели т. е. въ кровавомъ поту своемъ они крестятся, будучи увѣрены, что къ нимъ тутъ сходитъ или скатается со всею Святою Троицею Духъ Святой, и кружась радѣютъ (ихъ выраженіе) дотолѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ случится собраніе очень многолюдное, принуждены бывають даже полъ отъ поту подтирать вѣтошками, а рубахи на нихъ сдѣлаются какъ въ водѣ обмоченныя; и до такого изнеможенія изкружатся и измучатся, что уже стануть безсилны какъ мухи и, обезсилѣвъ, нѣкоторые изъ нихъ падають, и въ лицѣ бѣлы какъ полотно стануть, почему легко можно ихъ признать по лицу, когда идутъ они съ богомолія своего. Оное свое круженіе именуютъ они по дѣйствию его *пивомъ духовнымъ чудодѣмымъ*, похваляя сіе, говорятъ: „пивушко то человѣкъ де плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ“; по намѣренію же—радѣнемъ, якобы, кружася, они радѣютъ Богу и себѣ, Богу работаютъ и свои грѣхи отмываютъ, сравнивая свое круженіе съ моленіемъ Христовымъ, о которомъ написано у святаго евангелиста Луки, что когда Спаситель, готовясь къ страданію, молился въ вертоградѣ, *то бысть потъ его, яко капля крови каплющи на землю*, будто бы точно оно означаетъ ихъ сіе бѣшенство; въ семъ то намѣреніи свой

общій Кругъ и именуютъ они вертоградомъ, а составляющихъ оный людей вертоградными и садовыми деревьями.

Въ продолженіи же круженія и сказанія поютъ сочиненныя ими на то пѣсни, очень согласно и пріятно, а иногда какъ бы единоголассное со всхлипываніемъ и порывистыми духа трелями производятъ гоготаніе и какой то необыкновенный тихій свистъ, повторяя безпрестанно: *ой духъ, ой духъ, ой духъ; ой ююъ, ой ююъ, ой ююъ; царь Богъ, царь Богъ, царь Богъ; царь Духъ, царь Духъ, царь Духъ*; а иные: *о ея, о ея, о ея*, чѣмъ наводятъ даже на слушающихъ нѣкоторый ужасъ, и если послушать оное ихъ гоготаніе изъ-за стѣны, то представится совершенно, что они какъ бы чѣмъ то сѣкуются или хлыщутся; можетъ быть, не отъ сего ли и молва объ нихъ въ народѣ носится, будто бы они, ходя около чана, хлыщутся, приговаривая: „хлыщу, хлыщу, Христа ищю, выди къ намъ наружу и дай денегъ намъ на нужу“. Не удалось ли гдѣ кому нибудь изъ постороннихъ подслушать ихъ дѣйствіе и заключить, что они вѣрно чѣмъ нибудь сѣкуются, и прочимъ объ ономъ такъ разглашено.

При круженіи они всячески дурачатся и бѣсятъ, иные изъ нихъ трясутся, кривляются и ломаются, какъ бѣснуемые, другіе топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ, вдругъ, какъ неистовые, вскрикиваютъ, вспрыгиваютъ, приходятъ въ энтузіазмъ, нѣчто предсказываютъ и говорятъ иными языками, а какими — татарскими ли, тарабарскими ли, думаю, и сами не понимаютъ, колыми паче всѣ другіе ни одного слова не знаютъ, да и понимать нечего; нѣкоторые же, а особливо изъ учителей, когда случится двумъ или тремъ изъ нихъ вмѣстѣ сойтись на одну бесѣду, между собою спорятъ, хвалятся и хвастаются, какъ свойственно невѣждамъ, каждый изъ нихъ своею Божескою силою, у кого больше благодати и могущества; одинъ изъ нихъ говоритъ: „я то богъ великъ“, а другой вопреки отвѣтствуетъ ему: „а я больше тебя“; даютъ иногда другъ другу звонкія заушенія и добрыя пощечины съ тѣмъ, чтобъ извѣдать силу заушеннаго, кто же изъ нихъ равнодушнѣе и безъ оскорбленія вытерпитъ оныя ударенія, подставляя на то и другую ланиту, то и приписуютъ больше силы и святости, ибо смиреннымъ де дается благодать. Увы, крайняго ослѣпленія бѣднаго челоувѣчества! Всѣ сіи нелѣпыя и соблазнительныя проказничества и причуды, развѣ токмо единымъ несмысленнымъ младенцамъ позволительныя, почитать за бого-

дохновенныя и живыя дѣйствія Духа Господня, безъ сомнѣнія, есть знакъ совершеннаго невѣжества и безумія.

Изъ Круга у нихъ выходятъ пророки и пророчицы, случается и по два вдругъ, между коими нерѣдко происходят распри и даже драки. Въ одномъ мѣстѣ на праздникъ, при извѣстномъ въ учиненномъ мною прежде донесеніи бывшемъ учителѣ Густинѣ Ивановѣ, когда по приказанію его начально пошла одна изъ пророчицъ на Кругъ, вдругъ вышла противъ ея и другая и начала первая кружиться по солнцу, а послѣдняя напротивъ; отчего родился между ними споръ о силѣ божества ихъ, потомъ драка, а наконецъ двѣ сіи пророчицы, схватившись за волосы, начали таскать одна другую по полу; такъ что помянутый учитель при всемъ обиліи благодати своей самъ усумнился и не зналъ, что дѣлать съ ними; напослѣдокъ удалось послѣдней сбить съ Кругу первую, почему и ходила она въ словѣ сколько надобно, только опако (sic); когда же сѣли обѣдать, то она, сидя за столомъ въ вышнемъ мѣстѣ, смѣючись захохотала, кормилецъ спросилъ ея: „чему бъ она такъ разсмѣялась“; на что ему отвѣтствовала: „кормилецъ, вѣдь я недобрый“, то есть діаволь; онъ же, ражжегшись великою ревностью духовною о прельщеніи своемъ, вдругъ вскочилъ и, ухватя ея за волосы, выволокъ изъ-за стола, приказалъ тотчасъ принести розги и растянувши по полу онаго недобраго или ложнаго божка своего, какъ надо выпоролъ ими, который послѣ той, хотя нетопленной, но жаркой бани, поскорѣй отъ нихъ и отправился, куда ему слѣдовало. Послѣ жъ обѣда пошла въ словѣ и та пророчица, коя прежде была сбита съ Круга и объявила отъ имени Божія, что она недовольна тѣмъ наказаніемъ соперницы своей за обиду свою, приказала учителю, чтобъ онъ сходилъ въ то мѣсто, гдѣ та ея соперница живетъ и, нашедши ея, хорошенько еще покаталъ; онъ же, поклонившись по обыкновенію своему съ крестомъ ей въ землю, отвѣтствовалъ: „виноватъ я, Государь Батюшка, предъ тобою въ томъ, что не позналъ нечистаго прелестника и поклонились мы всѣ ему на святомъ твоёмъ Кругу равно какъ тебѣ, свѣту истинному; исполню, Государь, приказаніе твое“. Послѣ онаго богомолья сей великій святитель вскорѣ и изволил нарочный трудъ предпринять. Пошедши же въ то мѣсто, гдѣ та противница живетъ и, нашедъ ея, еще попотчивалъ, сколько было ему надобно, чтобъ совершенно удовлетворить раздраженному таковою обидою и безчестіемъ божку своему.

Сію повѣсть слышалъ я отъ бывшаго Князь-Ивановскаго, что нынѣ въ селѣ Бунаковѣ, находящагося въ ономъ заблужденіи *хлыстовщины* три года съ половиною, нынѣ же милосердіемъ человѣколюбца Бога искренно раскаявшагося и приложившагося къ благочестію, понамаря Петра Семенова.

Есть у нихъ еще другой манеръ круженія, именуемый Петровскій крестъ; а состоитъ оный въ томъ, что въ одномъ углу становится по два и по три въ рядъ человѣка, напротивъ оныхъ въ другомъ столько же, и перебѣгаютъ всѣ вдругъ изъ одного угла въ другой, съ востока на западъ, минуя напротивъ себя бѣгущихъ одинъ другаго, а какъ прибѣгутъ въ уголь, то по три раза слегка вспрыгиваютъ и паки перебѣгаютъ. Однако, оное радѣнье не столько употребительно, какъ первое.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся изъ оныхъ раскольниковъ еще и такіе, кои называются стариннаго повѣту. У таковыхъ въ словѣ, такъ продолжительно, какъ у вышесказанныхъ, пророки не ходятъ, но подобно находящимся въ Англіи и прочихъ западныхъ земляхъ квакерамъ, собравшись на праздникъ къ кому нибудь изъ нихъ въ одинъ домъ, по общему ихъ обыкновенію, молятся и, помолясь, садятся на мѣста; потомъ начинаютъ пѣть пѣсни свои. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ, будто бы почувствовавъ пришествіе божественной силы и изліяніе на себя Духа Святаго, приходятъ въ восторгъ и изступленіе, начинаютъ вдругъ дрожать, трястися и кривляться, въ каковомъ изступленіи выговариваютъ нѣсколько словъ поучительныхъ, чѣмъ и кончается ихъ пророчество; касательно же до сущности фундаментальнаго ихъ ученія и заблужденія они во всемъ согласны съ оными.

8. О скопечествѣ.

Сіе убійственное и для размноженія рода человѣческаго пагубное дѣло, скопечество, изобрѣтено и введено, какъ примѣчается, въ сію секту уже гораздо позже, нежели началась она; да и можно ли когда надѣяться отъ репія смоквей, или отъ вреднаго—полезнаго. Нѣкоторые изъ нихъ корабли или сонмища еще и понынѣ не приняли онаго, а иные едва ли о скопечествѣ и понятіе имѣютъ. Правда, исторіи протекшихъ вѣковъ хотя довольно повѣствуютъ, что сіе безчеловѣчное дѣйствіе началось еще въ глубокой древности и выполнялось всегда больше въ Азіи и Африкѣ изъ единственной къ женскому полу рев-

ности, иногда же случайно, подъ разными предлогами, при томъ въ маломъ количествѣ, и почти вообще было насильственное, а не произвольное; попадались изрѣдка таковыя бѣдныяки и въ нашемъ отечествѣ. Но въ царствованіе блаженной памяти благочестивѣйшей государыни императрицы Екатерины Вторыя найдено оныхъ Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, при фабрикѣ господъ Лугининыхъ уже немалое число, кои тогда за таковое безумное и зловерное дѣло достойное возмездіе получили. Едва не при той ли фабрикѣ сіи прельщенные бѣдныяки и начало свое возымѣли, а оттуда оныя горькія и для челоуѣчества столь вредныя сѣмена разсѣялись повсюду, начали произростать и показываться и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ; нынѣ же очень довольно вездѣ ихъ открывається уже.

Оныя наши скопцы, о коихъ здѣсь слово, совсѣмъ не то имѣютъ основаніе и причину, каковую имѣли древніе: не по принужденію уже какому либо, какъ тѣ, а по доброй своей волѣ и съ совѣта токмо наставниковъ своихъ, для мнимаго дѣвства своего, скопляются, ибо они, лишь бы состояніе позволяло, препровождаютъ жизнь свою во всякомъ довольствіи, сладкоядѣніи и лакомствѣ, то и не натурально, чтобъ могли пребывать безженно, а дѣвство, сію чудную добродѣтель, челоуѣкъ не прежде можетъ вмѣстить въ себя, какъ умертвивъ воздержаніемъ, и постомъ, и строгостію жизни плоть свою; такимъ образомъ они по безумію своему выдумали другое средство для облегченія плотскаго разженія и достиженія цѣли своей, то есть скоплять себя, что и въ догматъ себѣ поставили, утвердивъ оный совсѣмъ некстати на сихъ Евангелія словахъ: *и суть скопцы, уже искажиша сами себѣ Царствія ради Небеснаго.*¹⁾ Прямое же намѣреніе начальныхъ плутовъ ихъ, кажется, то, чтобъ прельщенныхъ ими совершенно обезпечить въ жизни, дабы можно было имъ пространнѣе, не озабочиваясь семействами, препроводить жизнь свою и быть бы податливѣе къ наставникамъ своимъ, а по смерти, не оставляя наслѣдниковъ по себѣ, все свое имущество приносить въ жертву сихъ безсовѣстныхъ и ненасытныхъ прелестниковъ.

Думать надобно, не сей то ли прелестникъ, о которомъ мною выше сказано, именуемый ими Гость Богатый, первый выдумалъ и въ существенный догматъ поставилъ скопечество. Подтверждаетъ оное мнѣніе сія ихъ повѣсть о немъ, что де Господинъ нашъ Батюшка, будучи

¹⁾ На полѣ: *Матѳеи глава 19.*

сильно разжигаемъ плотскою похотью, просилъ Отца Небеснаго, чтобъ Онъ облегчилъ ему оную и помиловалъ его отъ толь лютаго страданія; воздѣвши при обильныхъ слезахъ очи свои на небо, будто бы увидѣлъ сходящее оттуда къ нему копіе, т. е. инструментъ, конемъ онъ скопилъ себя, блестящее, какъ пресвѣтлую и во всѣ стороны отъ себя лучи испускающую звѣзду, который, съ неописанною благодарностью и радостнымъ духомъ принявъ тотъ даръ небесный, дерзновенно и небоязненно сдѣлалъ самъ надъ собою сію операцію. Безъ сумѣнія, оный народный шутъ прежде укрывался около тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся вышеупомянутыя мною Лугининскія фабрики, ибо оставшіеся нѣкоторые послѣ розыска старики, кои еще и нынѣ въ живыхъ находятся, именно, какъ они говорятъ, его пречистыми ручушками обѣлены, т. е. скоплены, коихъ особенно называютъ всѣ прочіе хлысты непосредственными дѣтушками его.

Скопечество у нихъ есть не всеобщее, но частное. Наставники ихъ каждому заповѣдуютъ и совѣтуютъ скоплять себя, а не принуждаютъ, ибо говорятъ: *мойй вмьстити, да вмьститъ*. Они требуютъ на сіе своего собственнаго изволенія. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ себѣ бѣльшей чести, чтобъ наименоваться безплотнымъ, и убѣлится плотію своею, о томъ они непременно постараются: скопцамъ они всегда больше довѣряютъ и надежнѣе съ ними обращаются, нежели съ нескопленными; однако есть такіе корабли, въ коихъ довольно число находится сего рода безплотныхъ силъ, но учителей имѣютъ не убѣленныхъ, т. е. не скопленныхъ. Для сей операціи имѣется у нихъ нарочно сдѣланный инструментъ желѣзный, коего видѣтъ мнѣ однако жъ не удалось, но они сами сказывали, что сдѣланъ онъ на подобіе шипцовъ или большихъ ножницъ, который именуется отъ нихъ *мечемъ духовнымъ*. Для совершенія надъ скопляющимися сего дѣйствія нарочно изъ нихъ такіе люди избираются, коихъ именуютъ они *крестителями*, скопечество же по наружному дѣйствію—*обръзаніемъ*, будто бы и Христосъ, будучи осмидневенъ, обрѣзанъ такъ же, какъ и они, а по слѣдствіямъ отъ онаго—*печатью дѣра Духа Святаго*, которая де не такъ, какъ въ явной церкви, если на кого положить оную, то уже съ него не сотрется никогда и грѣшить тотъ человекъ не можетъ: они грѣхъ почитаютъ токмо въ единомъ плотскомъ соединеніи, а солгать, обмануть, утаить, отмстить, лихоимствовать и послѣднее станцить съ бѣднаго человека, лишь кто былъ не ихъ согласія, и сдѣлать святотатство, если

возможно, чтобъ токмо не приличиться въ ономъ, не токмо не почитаютъ за беззаконіе, но и частію отъ Бога къ себѣ опредѣленную именуютъ, къ чему и учителя ихъ поощряютъ: „дѣтушки батюшки, данной вамъ отъ Бога части, кому какая изъ-вась опредѣлена, какъ невозможно не теряйте, ибо де вѣрить не хотимъ, чтобъ и святые отцы не любили собирать богатства“.

При скопленіи помогаютъ также и няньки, старшія пророчицы ихъ, не взирая на то, женщины ли они или дѣвки; когда же уговорятъ кого на сіе рѣшиться, а иногда и въ словѣ ему прорекутъ пророки, то если есть какое ему препятствіе въ домѣ своемъ, увозятъ его къ нянкѣ или крестителю, къ кому учитель прикажетъ, гдѣ разжигаютъ на жару помянутый инструментъ, потомъ приуготовившійся къ сему великому ихъ таинству, помолясь со всѣми ими вмѣстѣ Богу, сколько имъ будетъ надобно, отдается въ ихъ мясническія руки, коего предстоящіе принимаются держать, въ томъ числѣ и няни, креститель же именуемый, или лучше сказать—коновальчеловѣческій, перекрестившись, беретъ тѣ горячія щипцы и совершаетъ свое безчеловѣчное дѣло; послѣ того прикладываетъ къ ранѣ тѣмъ же горячимъ инструментомъ и прижигаетъ оную, чтобъ меньше шло крови. Такимъ то образомъ и оканчивается постыдная сія операція, послѣ коей отдаютъ вновь скопившагося няни на руки, чтобъ имѣть ей за нимъ хожденіе и присмотръ и покоить его, пока отъ оной болѣзни освободится, а по выздоровленіи отпускаютъ его паки въ домъ свой. Но есть изъ нихъ такіе жесточенные и крѣпкіе, кои сами изъ собственныхъ рукъ своихъ ножами скопляютъ себя; таковые почитаются у нихъ за великихъ людей и именуются *побѣдоносцами*.

Молва носится въ народѣ, что будто бы у нихъ также и молодые женщины и дѣвки, какимъ то образомъ скопляютъ себя; но сіе не справедливо. Правда, есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и особливо въ господскихъ вотчинахъ, гдѣ иногда принуждаютъ ихъ вступать въ замужество, то, что они токмо стараются разными средствами обезобразить себя и сдѣлать уродами: инья изъ нихъ портятъ въ рукахъ и ногахъ жилы, чтобъ быть хромыми, криворуками или кривошеями, а другія одноокими и криворотыми, дабы, подѣ извѣтомъ таковыхъ тѣлесныхъ ихъ недостатковъ и гнушаясь немощію ихъ, не брали въ замужество.

9. О признакахъ, почему можно признавать оныхъ раскольниковъ.

Первое и всеобщее у нихъ то, что юноши не женятся, дѣвки въ замужество не поступаютъ, а супруги дѣтей не рожаютъ.

Гнушаются виномъ и полпивомъ и прочими крѣпкими напитками.

Мяса, исключая нѣкоторыхъ, коимъ крайняя нужда позволяетъ, не ѣдятъ. Сіе наблюдаютъ они не ради истиннаго воздержанія, коего никогда не имѣютъ, что доказываетъ тучность тѣла ихъ, но чтобъ показать себя, какъ обыкновенно водится у лицемѣровъ, передъ народомъ токмо постниками, дабы удобнѣе привлечь души въ свою погибель, потому что простой народъ сію видимую добродѣтель весьма почитаетъ, а нарушеніемъ оныя, колыми паче разрѣшеніемъ въ постные дни на мясоѣденіе, паче всего соблазняется.

Они часто отлучаются отъ домовъ своихъ въ неизвѣстныя мѣста на богомолія свои, а къ нимъ пріѣзжаютъ гости со взрослыми дѣвками и неизвѣстными женщинами, коихъ они оставляютъ гостить у себя и наблюдаютъ несравненно лучше, нежели искреннихъ родственниковъ своихъ.

Скопцы всѣ вообще бѣлы и иззелена блѣдны и одутливы, похожи больше на женщинъ, нежели на мужчинъ, пустобороды, а которые скопили себя въ молодыхъ лѣтахъ, тѣ вовсе безбороды.

10. О празднованіи ихъ.

Когда наступитъ день какого нибудь извѣстнаго ихъ праздника, то наканунѣ онаго уѣзжаютъ или уходятъ они изъ домовъ своихъ подъ предлогомъ какой нибудь ярморки или другой причины, собираются непримѣтнымъ образомъ въ тотъ домъ, гдѣ будетъ празднество у нихъ и дожидаются ночи. Приходящіе же въ горницу, помолясь святымъ образамъ, какъ водится, и, повертясь по солнцу, клянутся съ крестнымъ знаменіемъ въ землю, прежде наставнику и всѣмъ братьямъ, а потомъ сестрамъ, кои всѣ равнымъ образомъ отвѣтствуютъ и имъ, и, не вставая, лежатъ на полу, опершись на руки, поднявши токмо головы свои, дотолѣ, пока отздороваются и отправятъ поклоны, отъ кого будетъ имъ приказано; вставши же, цѣлуютъ у учителя руки и уста, потомъ цѣлуются съ прочею братією, а сестры съ сестрами. Но

какъ ночь приспѣтъ и время настанетъ для нихъ благопріятное, то, въ случаѣ какой либо опасности, разставляютъ около дома караулы, переряжаются всѣ въ праздничныя бѣлыя и бористыя (sic) свои рубахи, кои нарочно для сего сшиты у нихъ и называются „дарами духовности“, а женщины и дѣвки въ свой какой есть лучшей нарядъ, и подпоясываются иныя изъ нихъ хорошими поясами, а другія голубыми лентами; зажигаютъ предъ иконами свѣчи, изъ коихъ послѣ начала одна и будетъ горѣть неугасимо, пока весь кончится праздникъ; потомъ учитель беретъ кадилаицу и кадитъ святыя иконы, предстоящихъ и всю горницу. Отдавши же кадилаицу, подражая священнѣйшимъ нашимъ архипастырямъ, коимъ, поставляя себя на мѣстѣ оныхъ, сѣи безумныя свинопасцы и подражать стараются, въ знакъ святительскаго омофора кладетъ онъ на плечо свое полотно, полотно же ихъ оное не одно въ себѣ заключаетъ значеніе омофора, но и силу пишимыхъ на иконахъ имѣющихся въ рукахъ Спасителя и Апостоловъ его свитковъ. Взявши же, учитель, въ правую руку крестъ, а въ лѣвую возженную свѣчу, становится впереди, по правую же сторону старшая няня, а за ними всѣ прочіе. Начинаетъ онъ пѣть со всѣми вмѣстѣ: „*Многая множества моихъ, Богородице, преръшениій*“, потомъ и еще что имъ вздумается и „*Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины*“. Всѣ поютъ въ носъ, гнусятъ, слова выговориваютъ по-дурацки на изворотъ, какъ обыкновенно, врутъ простые мужики, неученые. Пропѣвши жъ что надобно, обращается учитель на предстоящихъ и осѣняетъ ихъ крестомъ три раза на всѣ стороны, приговаривая: *Христось воскресе*, предстоящіе же крестясь отвѣтствуютъ: *Воистинну воскресе*; потомъ цѣлуетъ учитель имѣющийся въ рукѣ своей крестъ и свѣчу, подходятъ къ нему и всѣ прочіе, положи, каждый изъ нихъ, земныя два поклона, цѣлуетъ крестъ и свѣчу и, паки поклонившись въ землю, отходить; когда же всѣ ко кресту подойдутъ, то учитель, погасивши въ рукѣ своей свѣчу, ставитъ его въ свое мѣсто. Окончивши все сіе, садятся по мѣстамъ и разстилаютъ на колѣни свои чистыя платки и полотенцы. Въ сіе время наставникъ дѣлаетъ всѣмъ поученіе такими словами: „Возлюбленные мои дѣтушки, не сумнѣвайтесь въ великой милости Отца Небеснаго, возлетайте всѣ мыслями своими въ небо къ престолу Батюшки Царя Небеснаго, проливайте отъ сердца теплыя свои молитвы къ нему, просите его, Государя, чтобъ онъ милость свою къ намъ ниспослалъ,

Сына своего Иисуса Христа къ намъ сослалъ, изволилъ бы намъ милости своей подать и излилъ бы на насъ Святаго Духа благодать“.

И, подождя мало въ глубокомъ молчаніи, обращается онъ къ хозяину дома и говоритъ ему: „ну-ка-съ, господинъ хозяинъ, благослови-тка намъ съ Государемъ Батюшкою повеселиться, небесною его пищею насладиться, Богомъ Свѣтомъ повладать и на святомъ Кругу его покатать“. Хозяинъ же, вставши и поклонившись ему, говоритъ: „ну, родимый ты нашъ Батюшка, вѣдь знать народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ твоихъ покушать и слова Божьяго отъ тебя, Государь, послушать“. У нихъ все Священное Писаніе именуется сухарями и черствымъ хлѣбомъ, яко давно уже испеченнымъ, то есть проповѣданнымъ, а ихъ пророчество—мягкими и горячими пирогами, которые прямо изъ печи вынимаются, т. е. только лишь слово проповѣдается. Потомъ наставникъ, перекрестившись, начинаетъ со всѣми молитву: *„Дай намъ, Господи, къ намъ Иисуса Христа, дай намъ Сына, сударь Боже, помилуй, сударь, насъ, съ нами Духъ, сударь, Святой, Господь помилуй, сударь, насъ; Пресвятая, свѣтъ Богородице, упроси, нашъ свѣтъ, объ насъ, свѣтъ, у Сына своего, Бога нашего свѣта, мы тобою спасемъ души наши, свѣтъ, души наши, сударыня, многогрѣшныя, на земль на сырой, свѣтъ, на земль на кормиллицъ, на кормиллицъ на питавельницъ“* (sic). За каковою молитвою ихъ, тотъ, кто изъ нихъ готовится на Кругъ, учитель, или няня, или другой какой пророкъ, кому будетъ приказано отъ наставника, какъ бы въ восторгѣ и изступленіи, вдругъ встрепенувшись, вскрикиваетъ, показывая, что уже скатающаяся съ высоты благодать коснулась его сердца, начинаетъ разуваться иногда же разуваетъ его другіе, подлѣ его сидящіе; пропѣвши сказанную молитву дважды протяжно и медлительно, а какъ въ третій разъ запюютъ по-скору подъ радѣнье, то онъ подымается съ мѣста, начинаетъ кружиться, со всхлипываніемъ духа своего, подъ голосъ, и кружится дотолѣ, пока мнимая ими благодать Духа имъ завладѣтъ, иногда останавливается, расхаживается кругомъ, ощипывается, одергивается, оглаживается и поправляется, приговаривая: *Христось воскресе, Христось воскресе*, имѣя дикообразный видъ, смотритъ на всѣхъ быстрыми глазами, спѣсиво говоритъ всѣмъ гордо, хвастаяся, именуетъ себя Богомъ и, посматривая въ свой, имѣющійся въ рукахъ, платокъ, какъ въ талисманъ волшебный, нѣчто

предсказываетъ, беретъ воду въ руки, кропитъ оною горницу и всѣхъ въ ней находящихся, чтобы къ нимъ не вкралась какая нечистота въ корабль, мететь воду на воздухъ и тѣмъ будто бы заливаетъ пожары истинные и уподобительные, то есть: розыски, разоренія ихъ секты, потомъ, покружившись еще, приостанавливается, тогда всѣ слушатели встаютъ и крестятся, приговаривая: *Христосъ воскресе*, начинаетъ потомъ тихимъ и дикимъ голосомъ на распѣвъ свое пророчество, и плодитъ рѣчи, оканчивая оныя виршами, какъ древнія египетскія пиѳи, такимъ образомъ:

Охъ, ты Батюшка Отець,—да,
 Ты услыши, вить, меня,—да,
 Ты Небесный, вить, Творецъ,—да,
 Ты моя-та-дъ, видь, глава,—да;
 Благослови-тка-сь ты меня,—да,
 Своего-та-дъ, вить, раба,—да;
 Я не знаю безъ тебя,—да,
 И ничего взять не могу,—да,
 Ужь я сама-ть отъ себя,—да;
 Посади-тка-сь ты меня—да,
 Своей правою рукой—да,
 На свово бѣла коня—да;
 А вы, други-дъ вы мой,—да,
 Охъ, духовные братцы,—да,
 И сестрицы милыи,—да,
 Вы меня-та, вить, проститя,
 Проливайте горьки слезы,
 И вы Батюшку просите,
 Умоляйте вы его,—да,
 Сына Божьева свѣта,—да,
 Государя своего,—да,
 Чтобы онъ, вить, заступилъ—да,
 Ужь за насъ-та, вить, сиротъ,—да,
 До престола доступилъ,—да,
 Упрасилъ бы-дъ изъ рая,—да,
 У Небеснаго Царя,—да,
 Ужь, вить, птицу сокола,—да,

Что, вить, Духа то Святова,
 Ужь и къ намъ та-дъ, вить, суда,—да,
 Утѣшителя благова.
 Вижу, вижу чудеса,—да,
 Что всходились облака,—да,
 Всколебались небеса,—да;
 Отворяетъ нашъ Владыка
 Ушь небесную, вить, дверь,—да,
 Идетъ милость къ намъ велика,
 Наливаетца сосудъ,—да,
 Ужь, вить, Божьею рукой,—да;
 Что катить съ неба, вить, Судъ,—да;
 Стойте всѣ вы-дъ, вить, со страхомъ,
 Дарить хочеть, вить, Отець,—да,
 Изъ васъ всякаго, вить, даромъ, и проч.

Говорить же оное свое пророчество, моляся святымъ образамъ въ землю, а няни, какъ случалось мнѣ видать, въ началѣ такового дѣйствія крестяся обѣими руками. Говорить пророкъ прежде всѣмъ вообще очень долго, безъ всякой остановки, не запинаясь нимало, а они въ то время изрѣдка молятся на него въ землю, какъ на самого Христа Бога, приговаривая: „Помилуй насъ, Государь Батюшка, (хотя бы то ходила въ словѣ и дѣвка или женщина), виновати предъ тобою, Отець нашъ милосердный; воля твоя, Государь нашъ, съ нами; помилуй, защити и покрой насъ, Батюшка, сиротъ бѣдныхъ, покровомъ своимъ святымъ“. А какъ кончить оное свое пророчество, то говоритъ каждому изъ нихъ порознь особенныя матеріи, начиная отъ перваго и до послѣдняго, сколько бы ихъ ни было:

Ой, Богъ—помочь, молодець,—да,
 Ты любезный дорогой,—да,
 Ужь ты славный, вишь, Емецъ (sic)—да;
 Что стоишь ты предо мной,—да,
 Ужь какъ свѣтлая свѣча,—да,
 Ужь доволенъ я тобой,—да,
 Что прислалъ да на поклонъ,—да,
 Ужь за то-та, вить, Отець,—да,
 Тебѣ бѣлый балахонъ,—да,

Ужъ изволь-ка-съ наряжатца,
 О, любезная душа,—да,
 Въ бѣлу ризу одѣватца,
 Не страшитца—дѣ никаво,—да,
 Ужъ не сдѣлаитъ тебѣ,—да,
 Видь, никто-та-дѣ ничего,—да,
 Я, вить, буду-дѣ завсегда,—да,
 Не забуду-тѣ никогда,—да,
 Про тебя-та, вить, другъ мой,—да,
 Приведу я, вить, тебя—да,
 Во небесный-та покой,—да,
 И возьму въ свой, вить, дворець,—да,
 И при ангелахъ своихъ,—да
 Вить, открою я ларець,—да,
 Подарю-та-дѣ, вить, тебя,—да,
 Драгоценнымъ-та, вить, даромъ,
 Наложу я на тебя,—да,
 На твою-та, вить, главу,—да,
 Ужъ нетлѣнный-та вѣнецъ,—да;
 Вѣрь, братъ, право, не солгу,—да, и проч.
 Ну-жѣ, вить, Батюшка, прощай,—да,
 И, вить, Богу-та молись,—да,
 И со всѣми-та простясь,—да,
 И въ свое мѣсто садись.

Потомъ оборотясь къ другому, начинаетъ говорить и тому: „а ты, дитетка, вставай-ди“ и проч.; и всякій изъ нихъ тогда, въ очередь свою, становится предъ нимъ на колѣни и молится ему слезно, прося отъ него великія богатыя милости, а онъ жалуется ихъ: яко царь, духовными и свѣтскими чинами, орденами и крестами; яко владыка, обѣщаетъ имъ всякія награжденія и покровительство свое, если токмо постоятъ усердно и послужать ему вѣрно; яко гость богатый, даритъ ихъ драгоценными дарами, одѣляетъ вещами, дорогими камнями, золотомъ и серебромъ и безцѣнными нетлѣнными одеждами и прочая; почему слухъ въ народѣ носится, что будто бы христокъ ихъ, вышедши изъ чана, одѣляетъ золотыми и серебряными деньгами, но отъ онаго ихъ злата и сребра, когда кто не догадается своего положить въ

карманъ, то не останется ни одной копѣйки, серебро же и золото разумѣется у нихъ оное ихъ пророчество или Слово Божіе. Когда же обойдетъ всѣхъ по едину, тогда дѣлаетъ обращеніе къ Богу и слушающимъ общее поученіе. Окончивши же оное, молится святымъ образамъ и кланяется всѣмъ предстоящимъ на всѣ стороны по ихъ обыкновенію, т. е. съ крестнымъ знаменіемъ въ землю, и, лежа на землѣ со всѣми прочими, просить у нихъ прощенія и извиненія, если кого оскорбилъ словомъ, а они благодарятъ его на пророчествѣ. Потомъ всѣ встають, садятся на мѣста и разубаваются.

Получа же такую радость, что Богъ не оставилъ ихъ посѣщеніемъ своимъ, въ знакъ благодарности ему начинаютъ работу свою: кружиться и, скача, пѣть свои пѣсни и гоготать, приводя въ примѣръ сему своему дѣйствию порфироснаго Давида, который, предъидя сѣнному ковчегу, *скакаше шраля*. Потомъ, если тутъ случатся изъ нихъ и еще пророки, то и они ходятъ въ словѣ такъ же, какъ начальный пророкъ, и паки продолжаютъ праздникъ свой, сколько имъ разсудится, или какъ время позволить, всѣ раздѣвшись и босыми ногами, мушны въ рубахахъ, а женщины въ шубкахъ или въ другомъ платьѣ, какое гдѣ носятъ. Оный законъ они себѣ взяли кружиться босыми ногами съ иконъ Спасителя, апостоловъ и пророковъ, на коихъ по тогдашнему обыкновенію изображены они босыми ногами. Но сія ихъ выдумка, кажется, для того единственно, чтобъ не такъ былъ чувствителенъ топоть, отъ ногъ ихъ во время круженія и скаканія происходящій. По окончаніи же празднества, собираются они всѣ до одинаго, учитель же беретъ крестъ, какъ и при началѣ, начинаетъ пѣть со всѣми ими отпушальную молитву: „*Милосердный Богъ нашъ, упованіице наше, прибльжице Христово, покровитель Духъ Святъ, въ пути Богъ съ нами и подъ нами, надъ нами, предъ нами, передъ нами и за нами, сохрани насъ, Господи, отъ злыхъ отъ злодѣевъ*“; потомъ: „*Воскресеніе Христово видѣвши, поклонимся святому Господу Іисусу*“, „*Воскресъ Іисусъ отъ гроба, якоже прорече*“, и поютъ все оное, пока подойдутъ всѣ ко кресту такимъ же порядкомъ, какъ выше сказано. Поставивши же, учитель, крестъ на мѣсто, молится и кланяется всѣмъ на всѣ стороны съ крестнымъ знаменіемъ въ землю и просить у всѣхъ прощенія, равнымъ образомъ и ему всѣ предстоящіе; вставши же, подходятъ къ рукѣ цѣлуютъ въ уста его, и всѣ другъ друга, братія братьевъ, а сестры

сестрѣ, приговаривая: *Христосъ воскресъ*. Такимъ образомъ и оканчивается совершенно сія глупая ихъ процессія, именуемая ими обѣднею. Послѣ всего онаго и расходятся всѣ весьма осторожно въ свои дома.

На малыхъ же праздникахъ такого начала и окончанія у нихъ не бываетъ, а особливо гдѣ безъ учителей, но токмо желающіе слышать слово просятъ съ земнымъ поклономъ пророка или пророчицу, чтобъ покормить ихъ мягкими пирогами; а какъ оный приготовится и пироги его укиснуть, то зажигаютъ предъ образомъ свѣчу, а иногда и безъ свѣчи, садятся всѣ по мѣстамъ, начинаютъ пѣть вышесказанную начальную молитву по обыкновенію; встаетъ пророкъ съ мѣста и, покружившись сколько надобно, пророчествуетъ такимъ же образомъ, какъ выше сказано; окончивши же свое дѣло, молится и кланяется, проситъ у всѣхъ прощенія; вставши же, цѣлуется со всѣми, крестяся и говоря: *Христосъ воскресъ* и прочая.

11. О формѣ, какъ принимаютъ они вновь приходящихъ въ ихъ секту.

Когда кто онымъ раскольникамъ понравится и вознамѣрится они привлеци его въ свою пагубную секту, ибо они обыкновенно ловятъ больше добрыхъ людей и гонятся за тѣми, кои ведутъ себя добропорядочно, то въ началѣ заводятъ съ нимъ знакомство, потомъ очень тѣсную дружбу и любовь и стараются всячески ему показывать себя очень добродѣтельными и святыми людьми; послѣ, непримѣтнымъ образомъ, начинаютъ разстраивать его сердце, влагать въ душу сумнѣніе въ непорочности святой церкви, внушать недовѣрчивость къ ней, предлагать ему о попеченіи души своей и часѣ смертномъ, толковать аллегорически въ другомъ смыслѣ Священное Писаніе, предлагать историческія гаданія и слегка, стороною, окольными дорогами, открывать свои тайны; и какъ замѣтять въ немъ совершенную склонность на ихъ сторону, то налагаютъ на него искусь, подражая узаконеніямъ честныхъ обителей, (какъ говорится: *куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней*,) въ коихъ послушники находятся во искушеніи для того, чтобы узнать ихъ, способны ли они къ монашеской жизни; наблюдаютъ они о немъ неослабно, употребляя все свое проворство, дѣлаютъ надъ нимъ всякія покушенія, даютъ свои заповѣди, какъ то: не пить вина и полпива, если женатъ, то съ женою супружески не жить, и отнюдь не сквернословить; и послѣ всячески объ немъ развѣдываютъ, живеть

ли онъ такъ, какъ они заповѣдали ему. Такимъ образомъ искушаютъ они приходящихъ къ нимъ по году и больше, а иногда и меньше, смотря по характеру жизни и свойствамъ человѣка. Кои же не выполнять въ точности данныхъ ими заповѣдей, тѣмъ вовсе отказываютъ. Но когда уже въ комъ увѣрятся, что онъ искренно къ нимъ желаетъ присообщиться, то, по подобію первенствующей церкви, дѣлаютъ его оглашеннымъ, даютъ знать объ немъ своимъ сообщникамъ и совѣтуются другъ съ другомъ, принять ли его въ свое согласіе или нѣтъ. Когда же рѣшатся совершенно привести его въ свое заблужденіе и показать ему свои тайны, (по ихъ выраженію, *идъже вѣнчаются мученицы и пророцы зрятъ*), тогда назначаютъ или особенный на то день, или обыкновенный какой нибудь праздникъ свой. Въ то время собираются: учитель, одна или двѣ няньки и сколько нибудь изъ нихъ еще простыхъ зрителей; приводятъ его въ богомольную свою горницу и, посадя его съ собою, поютъ что имъ вздумается, какъ то: *величанія, Царю Небесный* и проч., чтобъ тронуть и привести въ чувствительность его сердце, загадываетъ ему загадки, всячески искушаютъ его, представляютъ скорбную и тѣсную жизнь и гоненія, когда будетъ онъ жить съ ними, скуку и бореніе съ плотскою похотью. И если уже видятъ въ немъ искреннее и неотложное намѣреніе присоединиться къ нимъ, то дѣлаютъ ему вопросы, желаетъ ли онъ служить отъ всея души Живому Богу Истинному и хранить Его святые заповѣди. Когда же приходящій отзовется къ нимъ желающимъ, то всѣ встаютъ, зажигаютъ предъ образами свѣчи, потомъ учитель требуетъ отъ него „поруки нетлѣвной“, то есть кого нибудь изъ святыхъ угодниковъ, или Богородицу или самого Христа Спасителя. Когда же приходящій даетъ кого ему вздумается по себѣ въ поручители, то учитель, снявши прилучившійся тутъ какой нибудь образъ, даетъ ему оный съ возженною свѣчею въ руки, самъ кладетъ два поклона земные образу и цѣлуетъ его, а послѣ его и всѣ предстоящіе; потомъ накрываетъ новоприходящаго полотенцемъ своимъ въ знакъ покрова Божія надъ нимъ, раздастъ свѣчи всѣмъ прочимъ, послѣ беретъ самъ крестъ и свѣчу, становится впереди, даетъ новичку заповѣди, повелѣвая говорить ему за собою, и дѣлаетъ отрицанія такимъ образомъ: „прости ты меня, красное солнышко, прости жъ ты меня, ясенъ мѣсяцъ, и всѣ частыя звѣзды, прости ты меня, вся небесная высота и мать сыра земля, я на тебѣ жилъ

и много грѣшилъ, простите меня и всѣ родители праведные; отрицаюся я отъ всего моего по плоти рода и племени, всѣхъ мирскихъ прелестей и нечистаго грѣха, а теперь обращаюсь я къ тебѣ, Господи, и общаюсь тебѣ, Свѣту Истинному, отъ всего сердца моего съ радостью служить и всѣ святыя твои тайны до конца жизни моей хранить, а міру, если и пострадать за нихъ до смерти, никогда не открывать, дѣвственную чистоту нести, пошла пьянаго не пить, зла ближнему не творить, недоброва не поминать и не сквернословить; а если я тебѣ, Господи, солгу, то плоть мою всячески накажи, а Царствія Небеснаго не откажи; когда же ожесточусь, отъ тебя опять отрекусь и къ тебѣ никогда не возвращусь, или святыя твои тайны врагомъ твоимъ предамъ и вынесу, то пожри меня, мать сыра земля, и осужу самъ себя праведнымъ судомъ твоимъ въ муку вѣчную.⁴ Сіе подтверждаетъ ему наставникъ такими словами: „ну, братъ, смотри помни, въ чемъ ты давалъ Богу—свѣту обѣщаніе“. При сихъ словахъ беретъ отъ него образъ и свѣчу, повелѣваетъ приложиться къ оному и становитъ на мѣсто, и, сдѣлавши по обычаю, какъ выше сказано, къ моленію своему начало, исполняетъ свое дѣйствіе, какъ обыкновенно у нихъ водится.

12. О пѣсняхъ ихъ.

Въ пѣсняхъ ихъ ничто иное, какъ хулится великое имя Пресвятыя Троицы; кажется, что древній оный вредословъ имени Божія все искусство свое истощить, употребляя орудіями своими сихъ прельщенныхъ, чтобъ паче безчестить и язвительнѣе издѣваться надъ именемъ Господа Вседержителя. Безрадные (sic)¹⁾ сіи отступники ясно доказываютъ неуваженіе къ Священному Писанію сочиненіемъ пѣсенъ своихъ; они мало того, что почитаютъ оное за сущую выдумку, но равняютъ съ народными подлыми и употребляемыми на игрищахъ подъ пляски токмо и кощуну (sic) пѣснями; они не томко что почерпаютъ мысли, но и самыя термины большею частію берутъ изъ нихъ, нежели изъ гимновъ божественныхъ, и мѣшаютъ сіи дерзкіе кощунники оную небесную манну съ каломъ смердящимъ, уподобляя себя глупо пчелѣ, которая де со всего, какъ съ цвѣтовъ, такъ и всякой скаредности, соки беретъ, ничего де не портитъ, а все передѣлываетъ и претворяетъ въ медъ

¹⁾ Вѣроятно, описка, слѣдуетъ: Безразсудные.

сладокъ; но лучшее уподобленіе имъ и сравненіе приличествуетъ съ свиніями, кои мало находятъ различія во вкусъ чистаго хлѣба и всякой нечистоты. Здѣсь я довольно число полагаю пѣсенъ ихъ не для того, чтобъ они достойны были какого нибудь вниманія или любопытства читателей, но дабы яснѣе показать токмо глупое и богохульное ихъ буесловіе.

Пѣсни, кои поютъ они на беспдахъ своихъ и подъ радпнья.

1.

Спаситель, сударь нашъ,
Пребывай всегда у насъ.
Ты—нашъ Батюшка Владыка,
Свѣтъ, Сынъ Божій, Государь.
На тебя, свѣтъ, уповаемъ,
Не стыдимся никаво.
Правда Божія твоя
Сохраняетъ насъ всегда;
Твоя истина святая
Да пребудетъ до конца.
Ты насъ, Батюшка, не оставилъ,
На путь истинный наставилъ;
Любовію наградилъ,
Свою милость къ намъ явилъ.
Мы къ тебѣ, свѣтъ, прибѣгаемъ,
Тебя въ пѣсняхъ воспѣваемъ;
Тебя въ пѣсняхъ воспѣваемъ,
Не погибнемъ никогда.
Какъ у насъ были, други,
Въ большомъ Царскомъ Кораблѣ
Пребогатый сидѣль Гость—
Іоаннъ сударь Предотечъ.
У него милости много
И во всемъ онъ намъ помога;
Кораблемъ онъ поправляетъ,
Отъ враговъ насъ избавляетъ;

На корабль онъ не пушаетъ
 Злыхъ лютыхъ людей;
 Своимъ словомъ прогоняетъ
 Все по Божьему суду.
 Какъ плыветъ нашъ да корабликъ
 Да по синему морю;
 Бурные вѣтры потянули
 И къ востоку понесли.
 И мы встанемъ-те, братцы,
 Мы поклонимся
 Пребогатуму Гостю
 Іоанну Предотечу;
 Онъ за насъ, свѣтъ, заступилъ
 И къ престолу доступилъ;
 И къ престолу доступилъ,
 И къ востоку проводилъ.

2.

Ай, кто пиво варилъ,
 Ай, и кто затиралъ?
 Варилъ пивушко Богъ,
 Затиралъ Святой Духъ,
 Сама Матушка сливала,
 Вкупѣ съ Богомъ пребывала,
 Святые ангелы носили,
 Херувимы подносили,
 Херувимы подносили,
 Серафимы разносили.
 Скажетъ Батюшка родной,
 Скажетъ Гость дорогой:
 Отъ чего жъ пиво не пьяна,
 Али я гостямъ не рада?—
 Рада, Батюшка родной,
 Рада, Гость дорогой,
 На святомъ Кругу гулять,
 Въ золоту трубу трубѣть,

Въ золоту трубу трубѣть,
Въ живогласну возносить,
Въ живогласну возносить,
У тебя милости просить.

3.

Кто бы, кто бы моему горю помогъ,
Воротилъ бы маво батюшку домой?
Воротися, сударь Батюшка родной,
Воротися, Гость Богатый дорогой;
Ты вспомни свою прежнюю любовь,
Какъ мы прежде спознавалися съ тобой,
Какъ гуляли во зеленомъ во саду,
Мы щипали твой зеленый виноградъ,
Мы катали на святомъ, сударь, Кругу,
Мы трубили въ живогласную трубу,
Мы звонили во небесную верву,
Мы манили птицу райскую съ небеси,
Что скатилъ къ намъ и Духъ сударь Святой,
Утѣшались мы небеснымъ судомъ,
Мы сидѣли за духовнымъ за столомъ,
Пили, ѣли, прохлажались съ тобой,
Говорили про духовны словеса,
Какъ творить Богъ въ седьмомъ небѣ чудеса.
Ай, и новича такія времена,
Покидаетъ сударь Батюшка меня,
Разлучаетъ насъ чужая сторона,
Чужа дальняя незнакомая.
Ужъ я со горя, съ кручины со такой
Што пойду ли, вить, въ торгъ торговать,
Дорогова я товару закупать.
Я куплю, я куплю воску ярова свѣчу
И поставлю передъ образъ твой честной.
Ужъ ты теплись, ты теплись, воску ярова свѣча,
Отойди прочь, вся кручина и тоска,
Загорися въ моемъ сердцѣ, свѣча.

4.

Сверху грозить туча, стоячи надъ нами,
 Заставляетъ скудныхъ, бѣдныхъ страждать подъ волнами.
 Скудна и бѣдна и вся нищета съ нами.
 Много зачинающихъ, да мало скончающихъ.
 Какъ въ прежніе вѣки, и нонича тоже.
 Припаду калѣнами ко сырой ко земли,
 Пролью я слезы какъ быстрыя рѣки.
 Ахъ, Боже мой, Боже, Боже отецъ нашихъ,
 Услыши ты, Боже, сію ты молитву,
 Сію ты молитву отъ блуднаго сына;
 Придѣли ты, Боже, къ избранному стаду,
 Запиши ты, Боже, въ животную книгу;
 А я буду жити, ни объ чемъ не тужити,
 Тебѣ, свѣту истинному, съ радостью служить.
 Ахъ, Батюшко Государь, свѣтъ Небесный мой Отецъ,
 Ты и сдѣлай, Государь, моему горю конецъ;
 Ты поставь меня, Отецъ, на красенъ свой на крылецъ
 Наложь, мой Государь, на мою главу вѣнецъ,
 Чтобы былъ я, Государь, твой бы вѣрный слуга,
 Не ходилъ бы никуда изъ твоего, сударь, сада,
 Во моемъ, сударь, саду плодовыхъ много дровъ,
 Я отъ нихъ буду питаться и сердечно услаждаться.

5.

Вы послушайте, милые други,
 Его, свѣта, живогласныя трубы,
 Чтó отъ Бога намъ отъ Батюшки пришло,
 Каково, други, писано письмо,
 За печатью и за Спасовой рукой,
 На его, свѣта, на бѣломъ на листу,
 Чтобы шли все къ Богу, свѣту ко Христу,
 Отъ его, свѣта, печатнаго двора.
 Ужъ приходитъ такое время и пора,
 Что близешенько катится Страшный Судъ:

Съ высоты ангелы ѣвства понесутъ,
 И хотятъ они столы намъ разставлять,
 И бѣлы браны скатерти разстилатъ,
 И хотятъ насъ въ одно мѣсто всѣхъ собирать,
 За духовные столы хотятъ сажать,
 Ужъ кому то эти ѣства будетъ ѣсть?
 Намъ отъ Батюшки прислалась тайна вѣсть:
 Отдавали бы Святому Духу честь.

6.

Ты воспой, воспой, соловьюшко, въ саду,
 Не давай сердцу печали моему.
 Ужъ и такъ древа завяли во саду,
 И опали всѣ лазоревы цвѣты,
 Приуныли всѣ, вить, братцы и сестры.
 И я со горя, съ кручины со такой,
 Я взойду ли на высокій на теремъ,
 Я пролью слезы къ Небесному Царю,
 Къ Государю, Сыну Божьему, свѣту:
 „Государь, ты мой Батюшко родной!
 Ты полей свои садовыя дrevья.
 Преклони свои всевышніи небеса,
 Испусти свои пречисты словеса,
 Ты вложи грѣшной плоти въ сердца!“
 Ужъ вы, братцы, духовныя сестры,
 Мы пойдѣмъ-те въ зеленый садъ гулять,
 Да не будемъ никогда мы унывать,
 А всегда будемъ на Бога уповать,
 Нашу Матушку Царицу прославлять.

7.

У насъ было по утру на зарѣ,
 Скатала къ намъ Матушка съ высоты,
 Надзирала зелены сады,
 Поливала лазоревы цвѣты.
 Во тѣхъ садахъ птицы райскія поютъ,

Поють онѣ пѣсни царскія.
 У насъ было въ зеленомъ лугу,
 Катала тутъ Матушка на Кругу,
 Катала сударыня на святомъ.
 Катай, катай, матушка, для Бога,
 Хочетъ тебя Батюшка жаловать:
 За твою за вѣру, радѣнье
 Обѣщаетъ вознагражденье.
 Еще тебѣ Батюшка Творецъ
 Накладаетъ на главу вѣнецъ.
 Еще тебѣ Духъ Святой речетъ,
 Съ высоты жива вода течетъ.
 Еще тебя Матушка къ себѣ ждетъ,
 Нетлѣнное платье тебѣ шьетъ,
 Во полки небесныя къ себѣ зоветъ.
 Глаголь, глаголь, Батюшка, для Бога,
 И вотъ тебѣ съ неба помога.
 Честь тебѣ поклонъ во вѣки,
 Пребудь съ нами, Батюшка, на вѣки.

8.

Какъ у насъ было на тихомъ Дону,
 Какъ у Гостя у Богатова въ дому,
 Посреди его зеленова сада,
 Построена нова горница,
 Столовая свѣтла свѣтлица.
 Ужь въ той ли новой горницѣ,
 Во столовой свѣтлой свѣтлицѣ.
 За столами за дубовыми,
 За ѣствами за сахарными,
 За пойлами за духовными,
 Ужь сидѣлъ тутъ удалой молодецъ,
 Онъ звонитъ, свѣтъ, въ соборной колколецъ,
 Собираетъ своихъ бѣлаихъ овецъ.
 Ужь и знаетъ про то Батюшка Творецъ,
 Онъ зоветъ други во Царской во Дворецъ,

Онъ читаетъ во Евангелъе свое,
 Онъ толкуеть объ Страшномъ объ Судѣ,
 Воздыхаетъ сердцемъ тяжело,
 Онъ ронить свои горючи слезы:
 „Вы послушайте, батюшки, братцы,
 И духовныя сестры!
 Вы не извольте на землѣ жить унывать,
 А извольте всѣ на Бога уповать,
 А я буду драгоценна товару вамъ давать,
 Вы извольте на землѣ всѣ торговать,
 Царство и блаженный рай въ седьмомъ небѣ доставать“.

9.

Безначальной Государь, свѣтъ нашъ Батюшка родной,
 Ей, учитель преблагой, полный Духъ сударь Святой,
 И вся Троица нераздѣлима, божество непостижимо!
 Пребываетъ тамъ Господь, самъ Господь Богъ Саваофъ,
 Онъ свѣтъ въ небѣ самъ ликуеть, ей, ей, ей, самъ ликуеть.
 Ужь какъ служить Государь моему Батюшкѣ родному,
 Да со ангелы святыми херувимы, серафимы.
 Ужь велико, други, дѣло про Батюшку исповѣдаютъ
 Про небесную всю силу страшно, братцы, говорить.
 Ужь какъ знаетъ ли про то, да кто любить кого,
 Ужь какъ любить нашъ Владыко на сырой всѣхъ на земли.
 Сотворилъ онъ, Государь, свой престолъ на земли.
 Собираетъ нашъ Владыко свое праведное стадо,
 Онъ во праведномъ стадѣ самъ изволить пребывать.
 Ой, вы, братцы и сестрицы, всѣмъ вамъ вкупѣ говорю,
 Всѣмъ вамъ вкупѣ говорю и дарами всѣхъ дарю,
 Ужь вы слушайте указъ, гдѣ бываетъ мой приказъ,
 Вы суду вкупѣ судите, дѣла право разсудите,
 Вы дѣла мои храните, а о ближнихъ не судите,
 А кто ближнева осудить, тотъ самъ будетъ осужденъ;
 Вы грѣхи ближнихъ скрываютъ, виноватыхъ прощайте,
 А кто скроеть и простить, себя раю не лишить;
 Вы во страхѣ всѣ ходите, во зеркало всѣ глядите.

10.

Безчасенъ я безталаненъ на свѣтѣ родился.
 Звала меня Матушка, я не воротился,
 Съ безвѣрными, съ беззаконными людьми поводился.
 Какъ ни стану, я достану, отъ нихъ прочь отстану,
 И я къ чистой непорочной Дѣвицѣ пристану.
 Ой, ты чиста, непорочна Небесна Царица,
 Пречестная, златокрылая, бѣлая голубица,
 Ты покрой насъ покровомъ пресвятымъ то своимъ
 Отъ сырой земли, Государыня, насъ и до неба.

11.

У насъ праздникъ воскресенье,
 Вѣрнымъ праведнымъ веселье,
 Маловѣрнымъ на увѣренъе,
 Маломочнымъ на исправленъе.
 Какъ у насъ было, вить, диво,
 Да что диво то не мало:
 Красно солнышко катало,
 Въ саду вѣрныхъ огрѣвало,
 Маловѣрныхъ увѣряло,
 Маломочныхъ исправляло;
 Что на томъ было на мѣстѣ
 Сидять царскія птицы,
 У нихъ ангельскія лица,
 Еще огненны языцы,
 Золотыя у нихъ крылья;
 Жарко сердцемъ воздыхаютъ,
 Съ неба духи созываютъ.
 Молодецъ въ торгу гуляетъ,
 Онъ и думу помышляетъ,
 Золоту казну считаетъ,
 Хочетъ тѣхъ птицъ откупити.
 Ему вѣрные отвѣчаютъ:
 „Ужь и гдѣ жъ де тому быти,

Золоту казну скопити,
 Этихъ птицъ тебѣ откупити!“
 Молодецъ имъ отвѣчаетъ:
 „Хошь головушку сложити,
 Золоту казну скопити,
 Этихъ птицъ мнѣ откупити;
 Хоша вовсе разориться,
 Но хочу съ вѣрными поводитца“.

12.

Младость ты, младость ты моя,
 Младость младенческая!
 Какъ же мнѣ, младость, износить будетъ тебѣ?
 Пойду я молодешенька въ зеленой садъ гулять,
 Въ зеленомъ саду хорошо птицы поють.
 Мнѣ ли молодешенькѣ на золушку дають.
 Тѣмъ я молодешенька не избавила себя,
 Сердца не исправила въ себѣ.
 Младость ты, младость ты моя,
 Младость младенческая!
 Пойду я молодешенька въ зеленые луга,
 Въ зеленыхъ лугахъ да все цвѣтики цвѣтуть,
 Цвѣтки цвѣтуть да все разненькіе.
 Нѣтути по мнѣ тутъ лазорева цвѣта,
 Лазорева цвѣта, роднова Батюшки маво.
 Тѣмъ я младешенька не избавила себя,
 Сердца не исправила въ себѣ.
 Младость ты, младость ты моя,
 Младость младенческая!
 Какъ же младость износить будетъ тебя?
 Пойду я молодешенька въ торгъ торговать,
 Въ торгъ торговать, я товару закупать.
 Братцы въ лавочкахъ сидятъ;
 „Богъ помощь вамъ, братцы молодцы,
 Богъ помощь, богатые купцы,

Богъ помощь товаромъ торговать,
 Богъ помощь на вѣру отдавать;
 Есть ли у васъ товары для меня?
 Мнѣ самого тонкаго полотна;
 Я бы стала молода
 Цвѣтныя ризы себѣ шить,
 Безсмертному Батюшкѣ служить“.

13.

Мнѣ безъ Бога-то безъ свѣта жить скучилося.
 Всѣ соборныя церкви разрушилися.
 Отъ того то у насъ церкви разрушилися,
 Что мы старыхъ та слугъ не послушались.
 Ай, увы, увы, увы, растеряли мы умы,
 Растеряли всѣ умы, прогнѣвили Бога мы,
 Прогнѣвили Бога мы, не послушали трубы,
 Не послушали трубы, согрубли мы грубы.
 Какъ скаталъ къ намъ во соборъ
 Духъ Святый Государь;
 Онъ во садикъ-агъ вошелъ,
 По древамъ сударь пошелъ,
 Душу грѣшную нашелъ.
 Охъ, ну-тка-ся, душа, была Богомъ хороша,
 Тебя праведные чли и за образъ тя сочли.
 Со крестомъ тебѣ, душа, и мы кланялися.
 Охъ, нонича, душа, сдѣлалась нехороша.
 Тутъ-та стала душа выть и не знать, какъ быть.
 Подымалася душа на восточну сторону,
 На восточну сторону, ко Давыдову двору,
 Къ Давыдову двору, ко Иисусу ко Христу,
 Ко Иисусу Христу, ко Распятому Кресту.
 Сударь Батюшка родной, Гость Богатый дорогой
 Пустилъ меня на корабль,
 Туды жъ съ праведными въ родѣ,
 И я стану работать, грѣхи свои избавлять.

14.

На Дону, Дону, на тихомъ было Дону.
 Тутъ построенъ былъ ковчегъ ради бѣлыхъ овецъ,
 Ради бѣлыхъ овецъ и про праведныхъ святыхъ,
 И про праведныхъ святыхъ, про вселенную всю.
 Ужь, батюшки братцы, вы голубушки сестры,
 Вы гребите, не работайте (sic), приударьте жь, молодцы,
 Отъ краю до краю, до блаженнова раю,
 Отъ конца до конца, до Небеснова Творца.
 Охъ, батюшки братцы, вы, голубушки сестры,
 Какъ у нашего Отца, у Владыки у Творца,
 Не укроится ни единая овца,
 Что не только что овца, и вселенная вся.
 Охъ, батюшки братцы, вы, голубушки сестры,
 И гдѣ двое, и гдѣ трое по единому,
 Ту и Азь среди васъ. Дай намъ, Господи,
 Дай намъ, Господи, къ намъ Иисуса Христа,
 Дай намъ Сына, сударь Боже, помилуй, сударь, насъ,
 Съ нами Духъ сударь Святой, помилуй сударь насъ;
 Пресвятая Богородица, упроси, мой свѣтъ, объ насъ,
 Свѣтъ, у Сына своего, Бога нашего свѣта:
 Мы тобою спасемъ души наши,
 Свѣтъ, души наши, сударыня, многогрѣшныя на земли.

15.

Други милые, други милые!
 Ужь какъ-то намъ быть, какъ Богу служить?
 Подумайте, други, какъ прежніе жили,
 Какъ прежніе жили, какъ Богу служили.
 Да вставайте, други, вы ранешенько,
 Умывайтесь горячьми слезьми,
 Одѣвайтесь въ цвѣтное платье,
 И мы пойдѣмъ-те въ восточну сторону,
 И мы зайдѣмъ-те къ родному Батюшкѣ,
 Къ родному Батюшкѣ, къ родной Матушкѣ,

Погулять пойдемъ во зеленой садъ.
 Садитесь, други, во единой кругъ,
 Зададимъ просьбу въ седьмо небо,
 Во седьмо небо къ Сыну Божьему,
 Къ сыну Божьему къ Святу Духу,
 Къ святу Духу ко блаженному,
 Ко святой нашей ко помощницѣ,
 Ко живой нашей ко источницѣ.

16.

Перестань, духъ бурный, моремъ колыхати,
 Моремъ колыхати морскими волнами.
 Сверху грозить туча, стоячи надъ нами,
 Заставляетъ бѣдныхъ страждать подъ волнами.
 Нужно (sic) и бѣдно, и вся нищета съ нами.
 Уже судно утло беретъ въ щели воду,
 Морскими волнами чинить намъ безгodu.
 Морскія то волны корабль колыхають,
 Морскою водою корабль заливають.
 Я близъ воды берегу, ужасаюсь смерти,
 Такъ я помышляю, съ горемъ разсуждаю;
 Грозятъ уже бѣднымъ злой горькою мукой,
 Злой горькою мукой, душевной разлукой:
 Такъ я не боюся, на Бога кладуся,
 На Бога живова, живова неложна.
 Для свѣта для Бога хотя лъстятъ и многа,
 Хотя лъстятъ и многа, да на дѣлѣ мала.
 Очень жарко прыщутъ, скоро исчезаютъ,
 Когда было время, Богомъ называли,
 Богомъ называли, на Кругу катали,
 На Кругу катали и Богомъ владали.
 Нынѣ безвременье, всѣ прочь отбѣгають,
 Хулы и поносы на меня вкладаютъ:
 Такъ я не боюся, на Бога кладуся,
 На Бога живова, живова неложна,
 Живова неложна, на Духа Святого,

На Матушку Божью, Небесну Царицу,
 Небесну Царицу, Пречисту Дѣвицу,
 Еще непорочну, злыхъ дѣлъ недоточну.

17.

Пойду я, дѣвица, къ Батюшкѣ родному,
 Къ Батюшкѣ родному, къ Гостю дорогому.
 Пойду, побываю, въ саду погуляю,
 Въ саду погуляю, дровомъ покачаю,
 Дровомъ покачаю, еще пошатаю.
 Я на это древо надежду имѣла,
 А нонича древо печально вдругъ стало:
 У меня, дѣвицы, вѣрушки не стало.
 Пойду я, дѣвица, къ тихому Дону,
 Къ тихому Дону, къ Батюшкѣ родному,
 Къ Батюшкѣ родному, Гостю дорогому,
 Гостю дорогому, ко Богу живому,
 Ко Богу живому, ко Духу Святому.
 Стану на корабликъ труды прикладати,
 Стану работати, зачну работати.
 Авось мой надежа до насъ умилится,
 До насъ умилится, онъ самъ къ намъ явится,
 Онъ самъ къ намъ явится со седмаго неба,
 Разблажитъ надежа душею насъ и тѣломъ,
 Душею и тѣломъ, сердечнымъ помышленьемъ.
 Ай, гусли, вы гусли, звончатыя гусли,
 Заиграйте, гусли, про праведны мысли,
 Какъ праведны плачуть, ко Господу хочуть,
 Ко Господу Богу, къ Богу Саваофу.
 Къ Богу Саваофу, къ Богу живому,
 Ко Богу живому, ко Духу Святому.
 Къ Духу Святому, къ Батюшкѣ родному,
 Къ Батюшкѣ родному, къ Гостю дорогому.

18.

Ужъ ты птица, ты птица райская моя,
 Ты всегда въ саду живишь, по ночамъ ты мало спишь.

По ночамъ ты мало спишь, по зарямъ рано встаешь,
 По зарямъ рано встаешь, царскія пѣсенки поешь,
 Царскія пѣсенки поешь, въ небо гласъ подаешь,
 Къ Саваофу въ небеси, къ Сыну Божьему свѣту,
 Родной Матушкѣ превѣчной и ко всей силѣ небесной.
 Изъ раю ты вылетаешь, когда Батюшка пошлетъ,
 Когда Батюшка пошлетъ и на землю Судъ сошлетъ,
 Гдѣ престолъ будетъ стоять, Духъ Святой прорекать,
 Живой Богъ будетъ катать, дѣла Божьи объявлять.
 Великъ, братцы, человекъ, кто приманитъ птицу къ себѣ,
 Стойте, други, всѣ со страхомъ, подаритъ васъ Отецъ даромъ,
 Онъ и явнымъ и тайнымъ весьма много подаритъ.
 Мы не можемъ заслужить за великіе дары,
 Надо тихо, други, смирно на земли то намъ пожить,
 Что бы Батюшкѣ родному въ исправности послужить.
 Эта служба, други, Божья, ради душъ нашихъ безсмертныхъ,
 Что быть тамъ всегда въ полку ангеловъ святыхъ.

19.

Преизбранная дѣвица, чистая дѣвственна душа,
 Да которая на свѣтѣ грѣховъ тяжкихъ уняла,
 Безо всякаго пороку ко Создателю пришла,
 А плотскія-та всѣ страсти терпѣніемъ своимъ прошла,
 Своей вѣрою, трудомъ, съ цѣломудреннымъ умомъ,
 Воздержаніемъ, постомъ да и чувственнымъ крестомъ,
 Безпрестаннымъ моленіемъ, съ надеждою всегда.
 Приносящи любовь къ Богу отъ сокрушеннаго сердца,
 Поручила свою душу во всей жизни до конца,
 Подъ своимъ ногамъ имѣла луну свѣтлую отъ Творца.
 Возливаемымъ слезамъ пламень огненны погаси,
 Воздержаніемъ грѣховное все терніе истреби,
 А молчаніемъ съ молитвой Амалика побѣди,
 А кротостью смиреніемъ змія лютаго украти,
 Добродѣтелями своими льва рыкающа связа,
 Послушаніемъ божественнымъ князю темному отказа,
 Богомудреннымъ размышленіемъ страхъ всѣмъ діаволамъ показа,

Цѣломудріемъ духовнымъ чистотой себя обяза,
 А желаніемъ небеснымъ воздушныхъ духовъ прогна,
 Трудомъ подвигомъ своимъ мечтаніе отогна,
 А терпѣніемъ за Бога сатану во адъ согна,
 Силою креста Господня всѣхъ лукавыхъ узна,
 Неудное что Богу, аки въ зеркалѣ, позна,
 Но и въ помощь Матерь Божью Пречистую упроси,
 Молитвами ея со святыми душу, какъ невѣсту украси,
 А предстательствомъ ея Святаго Духа въ помощь упроси,
 Возлюбленіемъ же Бога земныхъ дѣлъ не воспрія,
 Предъ Христомъ же предъ Небеснымъ звѣздой свѣтлолучной
 возсія,
 Во своемъ же во всемъ родѣ свѣтомъ Божиимъ просія.
 Но одинаго безсмертнаго жениха и возлюби,
 А земныя-та всѣ страсти, какъ мечемъ, ихъ отруби,
 А богатство, славу, ради Бога, не возлюби,
 Обо всѣхъ Божіихъ молитвенной трубой къ Богу все труби.

20.

Богъ помощь, сестрица лебедушка бѣла!
 Ты лебедушка бѣла, Богу Батюшки мила,
 Богу Батюшки мила, хотъ бы все этакъ жила,
 Хотъ бы все этакъ жила, такъ удача бы была,
 Пригодилось бы тебѣ, отцу-матери твоему,
 Отцу-матери твоему, да и роду то всему.
 Лебедушка бѣла, дано тебѣ дѣла,
 Дано тебѣ дѣла, да истинна вѣра,
 Да истинна вѣра, еще, моя родима, и крестъ и молитва.
 Молись Богу въ землю за всю свою семью,
 Еще, моя родима, за всю подселенну.
 Будешь ты молиться, такъ Богъ умилится,
 Будешь ты просити, можетъ Богъ простити,
 Кто у Бога проситъ, того Богъ не броситъ,
 А кто докучаетъ, того выручаетъ.
 Послушай, сестрица, Богу не измѣняйте,
 Богу не измѣняйте, даровъ не теряйте,

Даровъ не теряйте, на насъ не пеняйте,
 Нельзя намъ сказать, нельзя отпереться,
 Что мы не видали, али не слышали
 Божьева ученья, твою прирученья;
 Богъ сударь научаить, Святой духъ вручаетъ,
 Да Бого-тъ свѣтъ видить, да кто куды идетъ.
 Да кто гдѣ не рыщеть, вездѣ Господь сыщеть.
 Богу то служить, ни объ чемъ ни тужити,
 А кто вѣрой служить, ни объ чемъ тотъ не тужить.

21.

Благослови насъ, Государь, Саваофъ Богъ изъ рая
 Сказать про твои дѣла и про Сына твоего,
 И про Сына твоего, Государя моего,
 Какъ онъ, Батюшко мой свѣтъ, показалъ намъ чистой слѣдъ
 Мы за тѣмъ свѣтомъ поидемъ, до его свѣта доидемъ,
 Мы съ нимъ въ радости пребудемъ, ото сна себя пробудимъ,
 Просвѣтимъ мы свои очи, вставать будемъ во полночи.
 Вставать будемъ во полночи, просить будемъ силы, мочи,
 И по утру рано встанемъ, въ животѣ Бога прославимъ.
 И Владыка нашъ Превышній, Сударь Батюшка родимой,
 Ты къ намъ съ неба сокатилъ, и всѣ страны исходилъ,
 И сады, свѣтъ, насадилъ, благодатью насладилъ,
 Много скорби принималъ, въ тѣснотѣ, свѣтъ, пребывалъ,
 Въ тѣснотѣ, свѣтъ, пребывалъ, пречисту кровь проливалъ,
 И слезами поливалъ, всѣхъ грѣшныхъ обмывалъ.
 А теперь нашъ Государь, а теперь нашъ Государь
 Получилъ себѣ отрадъ, явился къ намъ въ Питеръ-градъ
 Къ своимъ вѣрнымъ рабамъ, и всѣмъ братьямъ и сестрамъ;
 Благословилъ златымъ крестомъ, что бы жить всѣмъ со
Христомъ,
 Онъ забылъ грѣшныхъ грубы, трубить въ золоты трубы,
 Подаетъ знать во весь свѣтъ, хочетъ простить грѣшныхъ
всѣхъ.
 О, велика, братцы, милость къ намъ Батюшки явилась:
 Красно солнышко скатило и лучами освѣтило.

О, пресвѣтлое свѣтило, много грѣшныхъ просвѣтило,
 Сердца наши обогрѣлъ, теплотою всѣхъ одѣлъ.
 О, всевидящее око, видитъ Батюшка далеко,
 Изъ далеча призываетъ, Божью милость всѣмъ являетъ,
 И покровомъ покрываетъ, на-бѣло всѣхъ убѣляетъ,
 Со грѣхомъ всѣхъ раздѣляетъ, упокою самъ не знаетъ,
 Горьки слезы проливаетъ, къ Отцу просьбу посылаетъ,
 Всѣхъ кротостью научаетъ, въ свою книгу заключаетъ,
 Свою вѣру утверждаетъ, за собою въ слѣдъ зоветъ:
 „Вы избранные души, вѣрные праведны мои!
 Вы подите во мой слѣдъ, засвѣчу я вамъ свой свѣтъ;
 Вы во свѣтъ всѣ ходите, во зеркало всѣ глядите.
 Божью заповѣдь храните, аминь всѣ вы говорите“.

22.

Ужъ спасиба тебѣ, Тай—рѣка,
 Что ты втай къ намъ прикатилася,
 Во сердца наши вселилася и свѣчами засвѣтилася.
 Сердца наши покорилися и головушки склонилися
 Ко родимому ко Батюшкѣ, ко Царю свѣту Небесному,
 Государю Сыну Божьему да и къ Матушкѣ помощницѣ,
 Пресвятой Богородицѣ и Царицѣ силъ небесныхъ.
 Вы послушайте, други милые; ужъ, братцы, сестры духовныя,
 Духовныя Богомъ любовныя, Сыномъ Божиимъ избранныя,
 Не ходите жъ вы на Шатъ-рѣку, что Шатъ рѣка шетоватая,
 Шетовата вароватая; ужъ она несправедливая,
 Она сводитъ съ ума съ разума, безъ великой дѣлаетъ памяти.
 А и кто изъ насъ на Шатъ пойдетъ, и тотъ, други, заша-
 тается,
 Прочь отъ Бога отчаеся, и доитить до Бога не чаеся.

23.

Свѣтъ ты нашъ, Батюшка родной, сударь Гость нашъ дорогой,
 Въ золоту трубу трубилъ, ото сна всѣхъ разбудилъ.
 Святы ангелы—послы съ неба на землю сошли,
 Родословъ книгу снесли. Покатили государи
 И по селамъ и деревнямъ, по святымъ деревьямъ,

По святымъ деревьямъ, по израильскимъ рабамъ.
 Вострубили государи въ живогласныя трубы.
 Про ево, свѣта, труды, про Батюшку, про страды.
 И вы, милые дружки, и вы, братцы молодцы,
 И вы, братцы молодцы, распѣвайте на гласахъ:
 Такъ не долго на землѣ этимъ радостямъ стоять.
 Да какъ станеть, мои други, вся вселенная стонать,
 Да не хочеть сударь Батюшко за вселенную стоять,
 Хочеть Батюшко сударь стоять за дѣтушекъ своихъ,
 За избранныхъ, за свѣтыхъ, за праведныхъ.
 А вы, дѣтушки мои, поработайте вы мнѣ
 Вѣрой правдой на землѣ со всей истиною;
 Не покину, мои други, на земли васъ ни одного,
 На земли васъ ни одного, ни единую душу.
 Хоть себѣ я досажу, но въ садъ васъ посажу,
 Я вручу вамъ ремесло, свое правое весло,
 Ремесло то я вручу, добро дѣлать научу,
 Добро дѣлать научу, васъ ко Царству приручу.
 Такъ гуляйте, дѣтушки, въ зеленыхъ моихъ садахъ,
 Въ зеленыхъ моихъ садахъ, во Божіихъ покояхъ;
 Раскачались деревья, виноградныя древа,
 Стали райскія пташечки попархивати
 Изъ Небеснаго изъ Царства, изъ блаженнаго рая;
 Какъ сошла та намъ отъ Бога свѣта Божья благодать.
 Помогите намъ, Батюшка, тебѣ, свѣту, послужить,
 Тебѣ свѣту послужить, Святу Духу угодить.

24.

Что это, Батюшка, за радость у насъ!
 Не красное солнышко изъ рая катить,
 Свѣтлыми лучами ко сердцу свѣтитъ.
 Какая это пташечка во нашемъ саду,
 Утѣшная пташечка, райской соловей!
 И гдѣ эта пташечка причоты беретъ?
 Не наша ли Матушка съ неба съ высоты,
 Съ неба съ неба съ высоты, со престолу красоты.

Налетѣлъ соловьюшко, ажно Духъ Святой.
 Каталь, каталь Батюшко проповѣдывалъ:
 „Сойдитесь, дѣтушки, во единъ соборъ
 Молитесь, дѣтушки, Сыну Божьему,
 Которой, нашъ Батюшко, за насъ пострадалъ,
 Которой, нашъ Батюшко, на крестѣ распятъ,
 Которой, нашъ Батюшко, за насъ кровь свою пролилъ,
 Небесное Царство и рай намъ отворилъ,
 Пречистыми устнами съ нами говорилъ:
 Послушайте, дѣтушки, что я вамъ скажу,
 Тяжкой я грѣхъ отъ васъ да прочь отложу,
 Благодать Свята Духа въ сердца положу,
 Златые вѣнцы, други, на васъ наложу
 До Царства Небеснаго всѣхъ васъ провожу“.

25.

Какъ расплачется дѣвица въ высокомъ терему,
 Возмоится дѣвица Небесному Царю:
 „Умилися, нашъ Батюшко, возжелѣйся Государь,
 Помози намъ, пособи, какъ намъ вѣкъ-та пережить,
 Какъ намъ вѣкъ-та пережить, свои души сохранить“.
 Позамялась на земли вся духовная братья,
 Стало тошно на земли жить послѣднимъ сиротамъ,
 Прикатала Матушка ко сиротскимъ воротамъ,
 Ликовала Матушка во зеленаямъ лугу,
 Вострубила Матушка въ живогласную трубу,
 Возбудила Матушка всю духовную братью,
 Вызывала, выкликала дѣвиць къ себѣ вдовиць,
 Она чистыхъ дѣвиць себѣ полкъ набрала;
 Набравши-та она полкъ, положила дѣло въ толкъ.
 А сама наша сударыня глаголывала:
 „Ужъ вы, дѣтушки мои, красны дѣвицы души,
 Вы послушайте меня, берегите вы себя,
 Берегите вы себя и до вѣку до конца,
 Я за ваши за труды, за работу, за страды
 Ризы бѣлыя сошью и со ангеломъ сошлю,

На головушки на ваши золоты вѣнцы солью,
 Золоты вѣнцы солью, силъ небесныхъ сошлю,
 А на бѣлыя руки Божьи поручи воздамъ,
 Божьи поручи воздамъ, прикачу я съ неба самъ,
 Украшу Васъ, уряжу, по мѣстамъ всѣхъ усажу“.

26.

При собраньи при большомъ,
 Во блаженствѣ во святомъ,
 Сударь Батюшко пошелъ; онъ праведныхъ обошелъ
 И къ сестрицѣ подошелъ: „ну, Богъ-помочь тебѣ,
 Ну, Богъ-помочь тебѣ, голубушка сестрица,
 Я къ тебѣ въ гости ходилъ, добро тебѣ говорилъ,
 Богу свѣту наровилъ, изъ потопа выводилъ,
 Изъ болотной изъ воды, изъ осоки изъ травы,
 Изъ морской глубины; какъ поставилъ я тебя
 На истинномъ на пути, на прямой дороженьки,
 Что бы такъ у меня шла, безъ сумнѣнья вѣкъ жила,
 Не тусми своего лица, не вреди своего сердца,
 Не марай бѣла тѣла, не мечи Божья дѣла,
 Какъ поставилъ я тебя во зеленомъ во саду,
 Во зеленомъ во саду, подъ яблонью подъ святой“.
 Буянъ воздухъ возставалъ, зеленой садъ всколыхалъ,
 Зеленъ садикъ разшумѣлся, нашъ Батюшко умилился,
 Въ зеленъ садикъ прикатилъ, ото сна всѣхъ разбудилъ,
 Многихъ души воскресилъ, маловѣрныхъ увѣрилъ,
 Маловѣрныхъ увѣрилъ, маломочныхъ подкрѣпилъ.
 Мимо зелена сада протекала тутъ рѣка,
 Подмывала берега. Родимая сестрица!
 Говорилъ я тебѣ: „не ходи близко къ рѣкѣ,
 Сестрица, не оступись и вовѣки не сгубись“.

27.

Мы вечеръ вечеръ позна вечера (sic),
 Повна вечера мы просидѣли,
 Про глаголы Божія мы пробаели,

Про родимаго своего Батюшку,
 Про Царя, свѣта, про Небеснаго,
 Про Святаго Духа про блаженнаго.
 И мы съ нимъ, свѣтомъ, насидѣлися,
 На его, свѣта, наглядѣлися,
 Въ зеленомъ саду нагулялися,
 Виноградьциамъ напиталися,
 Мы наплакались, нарыдалися,
 Какъ мы съ Батюшкомъ разставалися.
 А еще Государь до насъ милостивъ,
 Онъ прислалъ, Государь, своей радости,
 Чѣмъ бы намъ прожить было въ своей младости.
 А еще прислалъ птицу райскую
 Изъ своего рая изъ блаженнова,
 Онъ изъ Царствія изъ Небеснова.
 Стала пташечька перелетывать,
 Своимъ крылышкомъ и помахивать,
 Со бѣла лица пыль обмахивать.
 Какъ у насъ было во святой Руси,
 Въ славномъ городѣ каменной Москвѣ,
 У Ивана было у Великова,
 У святова, свѣта, Благовѣщенья,
 У Михайлы было у Архангела,
 У Софїи было у Премудрости,
 На святыхъ мѣстахъ преподобнаихъ,
 Ликовалъ Государь, родной Батюшко,
 Онъ трубѣлъ въ трубу живогласную,
 Увѣрялъ своихъ вѣрныхъ праведныхъ,
 Уговаривалъ маломочнаихъ,
 Потужилъ Государь, попечалился,
 Обо всѣхъ сиротъ о послѣднихъ.

28.

Что не утрення заря занималась,
 Что не младъ ясенъ мѣсяць свѣтитъ,
 Не красное солнышко всходило:

Какъ нашъ Батюшко родимой въ трубу трубить,
 Отъ сна наша надежда души будить.
 „Вы вставайте, мои други, пробуждайтесь,
 Свѣжею водою умывайтесь,
 Бѣлымъ полотенцемъ утирайтесь,
 Крестнымъ знаменіемъ ограждайтесь,
 Къ Батюшкѣ родимому собирайтесь;
 Вы суденушки свои поправляйте,
 На тихомъ Дону поставляйте,
 Вы ко кораблю судѣнушки причальте,
 Сваво Батюшку родимова не печальте,
 Авось Батюшка родимый не покинетъ,
 Съ пречестыхъ своихъ ручушекъ не скинетъ;
 Онъ подержитъ свою владыческую руку,
 Не отдастъ, наша надежда, души въ муку,
 Онъ пожалуетъ, сударь, насъ городами,
 Въ городахъ-та мы будемъ воеводы,
 Отдадутся подъ началъ наши роды“ .

29.

Благослови ты меня, сударь Батюшко, спѣть свою пѣсенку,
 Застольную, запрестольную: да что по морю, по морю,
 Морю синему житейскому,
 Плыветъ-та, плыветъ нашъ большой Корабль,
 Посредѣ Корабля престолъ стоитъ,
 На престолѣ самъ Господь сидитъ,
 По сторонамъ то сидятъ все ангелы и архангелы.
 Какъ разговорить самъ Исусъ Христось:
 „Ужъ вы, ангелы и архангелы,
 Вы трубите въ трубы золоты, алмазныя,
 Вострубите вы вселенную, во всю теплоту подсолнечную,
 Что бы шли ко мнѣ ѣхали, ничего бы не боялися,
 Черезъ тѣ горы, горы крутыя,
 Черезъ тѣ лѣса, лѣса темныя,
 Что не тѣ горы, горы крутыя,
 Черезъ тѣ плоти мудрыя,

Черезъ совѣсти мірскія,
Черезъ тѣ рѣчи, рѣчи мірскія“.

30.

Завладалъ нашъ Надежда сокрушенными сердцами,
Чудеса самъ сотворяетъ, свой престолъ поставляетъ,
Своими устами прорекаетъ, къ себѣ Сына призываетъ,
На святой Кругъ поставляетъ, судить правду заставляетъ,
Сердца наши не тазаеъ (sic), свои цвѣты прививаетъ,
Во всю вселенну на своихъ дѣтокъ взираетъ,
Сердца наши побуждаетъ, ничего будто не знаетъ,
Всѣмъ спасенія желаетъ, всѣмъ вѣнцы изготовляетъ.
Ужъ какъ кто меня найдетъ, на святомъ Кругу пойдетъ,
Свѣта Батюшку найдетъ, такимъ гласомъ запоетъ.
Свѣтъ учитель дорогой, наставникъ нашъ преблагой!
Наступилъ наша глава на грѣхъ правою ногой,
И полилъ нашъ Государь всѣ сады своей водой,
И покрылъ насъ высотой, приказалъ жить чистотой;
И до вѣка до конца не лишу злата вѣнца,
На головки наложу, и во всемъ васъ ублажу.
Такъ по всей земли пойду, къ царямъ въ гости зайду,
Свое злато положу, всѣмъ вельможамъ покажу,
Злато время сотворю, всѣмъ праведнымъ угожу.

31.

Соловей ты мой, соловеюшко, соловей ты мой, родной
Батюшко,
Ты не пой, не пой желабнешунько, не давай тоски моему сердцу:
Ужъ и такъ то мое сердце надсѣлося, надсѣлося-надорвалось;
Ты скажи, скажи, соловеюшко, перейду ли я рѣчку огненну,
И дойду ли я до спасенія, до того ли дому до Давыдова,
Во Давыдовомъ дому живетъ страхъ великъ,
Тамъ самъ Господь чудеса творить,
Свѣты ангелы тамъ вѣнчаются, плевела огнемъ сожигаются,
Со грѣхомъ плоти раздѣляются, на-бѣлѣ души убѣляются,
Они къ Царствію приближаются.

32.

Благослови насъ, сударь Батюшко родной,
 Повели, нашъ Гость Богатой дорогой,
 Про твою милость богатую намъ спѣть,
 Про твое, сударь, сошествіе, про бытѣе,
 Что про нынѣшнее время, про житѣе,
 Что приходитъ на насъ грѣшныхъ забытѣе,
 Забываемся мы въ разумѣ, въ умѣ,
 Обѣщались мы, Батюшко, тебѣ,
 Мы душами и плотями отдались,
 Сколько силы нашей мочи, сударь, есть;
 Мы повинны предъ тобою, сударь, всѣ.
 Ужъ намъ надобно совѣтовать совѣтъ,
 Про Батюшку, про Небеснаго Царя,
 Не отказалъ бы намъ отъ Царствія, отъ рая.
 Ужъ какъ нонича послѣдни времена,
 Только носите, други, царски знамена,
 Записалъ Батюшко наши имена
 Во свою, сударь, животную книгу.
 Во своей, сударь, палатѣ судовой,
 На своемъ, сударь, престольномъ столѣ,
 Садилъ Батюшко зеленые сады,
 Во садахъ, то онъ деревья становилъ,
 Онъ пречистой своей кровью поливалъ,
 И небеснымъ покровомъ покрывалъ.
 Онъ и самъ, сударь, гуляетъ во саду,
 „Вы растите, мои зеленые сады,
 Вы цвѣтите на древахъ, бѣлы цвѣты,
 Вы постойте, мои послѣдни сироты,
 Подержитесь тѣлесной чистоты,
 Тѣмъ дойдете до небесной высоты“ .

33.

Умилися, Батюшко, возжалѣйся, Государь,
 До меня до сироты, благослови ты съ высоты,
 Создай ризы золоты, возведи бѣлы красоты,

Вструби въ золоты трубы, соловья въ саду разбуди,
 На работу наряди, заставь царски пѣсни пѣть.
 Ужь ты пой, соловей, распѣвай, молодой,
 Ужь ты распѣвай, свое древо раскачай,
 Напередъ всѣхъ приначаль, да покуда, соловеюшко,
 Заря не занялась, красно солнце не взошло.
 Въ лѣсу птицы не встають, напередъ не запоють,
 Ужь ты такъ распѣвай, ты ни временемъ, ни порой,
 Ранней утренней зарей, и во дни и въ ночи,
 И во всякіе часы, сударь, дѣтушки спаси,
 Нась, Батюшко, не покинь, съ своихъ ручушекъ не скинь.

34.

Ужь ты въялица-мятелица, ты завыла, заметелила
 Веѣ пути мои дорожки, мнѣ нельзя пройти-проѣхать
 Къ высокому новому терему. Во высокомъ новомъ теремѣ
 Красное солнышко катается, свѣтъ сіянное ликовалось.
 Со лучьями со свѣтилами красное солнышко укатилось,
 Свѣтъ сіянное укатилось, лучьи свѣтлые оставались.
 Красное солнышко—нашъ Батюшко, свѣтъ сіянное—изобран-
 ный Сынъ,
 Лучьи свѣтлые—Божьи праведны, святы отцы преподобные,
 Чисты дѣвы непорочныя. Какъ растужится, расплатится
 Наша Матушка-помошница, непорочная дѣва источница.
 На своихъ вѣрныхъ гляючи: ужъ ты вотчина, моя вотчина,
 Ты любимая, родимая; не достанься, вотчина, вотчиму,
 У вотчима есть сынъ пагубный, пагубилъ онъ всю вселенную,
 Всю вселенную, весь міръ народъ, да восплакнетъ избран-
 ный родъ.
 Ужь ты, вотчина моя, вотчина, ты любимая, родимая,
 Ты достанься, вотчина, Батюшкѣ, ты Царю свѣту Небесному,
 Государю Сыну Божьему, еще Матушкѣ-помощницѣ,
 Пресвятой свѣтъ Богородицѣ. Взясся, свѣтъ нашъ, не по-
 кинути,
 Съ своихъ ручушекъ не скинути, онъ отнынѣ Государь до
 вѣку.

Возлѣ Дуная ходя думая, да вить это не тихой Донъ,
 Не тихой Донъ—его Божій домъ; мелки протоки то пророки,
 То пророки проповѣдники, всѣ про Бога проповѣдали.
 Всѣ про Бога проповѣдали, отъ грѣха намъ заповѣдали.

35.

Мнѣ отъ роду довольно лѣтъ, пора познать Христовъ мнѣ
 свѣтъ.

Всѣ сверстницы, мои подружки
 Учатся то знать другъ отъ дружки,
 Что есть Богъ, что небо, что рай, рай, рай.
 Пора спознать Христовъ мнѣ свѣтъ,
 Невѣстой ужъ меня зовуть,
 Мнѣ надобно подумать тутъ,
 Кому мнѣ лучше сочетаться,
 Со Христомъ не хочется растаться.
 О, Боже, Іисусе, я есмь твоя, что рай, рай, рай!

36.

Какъ у насъ было на святой Руси,
 Во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
 Въ дому было во Давыдовомъ,
 Не соколы сокатилися, совѣтнички соѣзжались,
 Они думали думу крѣпкую,
 Да какъ, что это у насъ строится,
 Изъ иной земли солнце катится,
 Изъ иной земли французскія,
 Французскія изъ Иркутскія,
 Кораблемъ къ намъ плыветъ Царь царемъ,
 Да какъ Царя-тъ царямъ женится,
 Невѣсту беретъ всевышнюю,
 У Батюшки дочку ближнюю,
 Онъ преданава за ней беретъ
 Сорокъ тысячъ Донскихъ казаковъ,
 А стрѣльцовъ бойцовъ и смѣты нѣтъ,
 Два завода беретъ коннаихъ.

У коней копыты мытыя,
 Серебромъ кони подбитые,
 Коврами кони покрытые,
 На коврахъ вышиты премудрости,
 Всѣ короны королевскія;
 Ужъ какъ кони-та отряхнутся,
 Короли-та всѣ поправятся,
 Они сядутъ на добрыхъ коней,
 Да поѣдутъ по сырой землѣ,
 Да пріѣдутъ въ каменну Москву,
 Объявятъ свои премудрости,
 Премудрости отъ святыхъ наукъ,
 Что бы не было на земли-та мукъ,
 За вселенну даютъ троихъ порукъ,
 Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

**Письма хлыстовскаго государя батюшки или
 Искупителя ихъ.**

Христось воскресе, воистинну воскресе, во славу Божию, а намъ на спасеніе и вѣчную радость.

Возлюбленному моему сыночку И. С. Посылаю я тебѣ отеческое благословеніе, и милость Божию, и благодать съ небеси, и покровъ Отца моего Небеснаго и низкой мой отеческой поклонъ съ покровомъ Отца моего Небеснаго.

Любезный мой сыночекъ! Поживи, а истинному Отцу Искупителю послужи въ кротости и смиреніи, въ любви и совѣтѣ. Храните чистоту и дѣвство, оберегайтесь лѣпости, и праздныхъ словъ, и хмѣльных напитковъ. А на бесѣду ходи, только не заглядывайся на сестеръ, и не давай видимыхъ гостинцевъ, отъ которыхъ заходитъ лѣпость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Богъ прочь отводитъ. А ты, любезный мой сыночекъ, самъ знаешь, какъ жить и душу спасти. Еще любезный мой сыночекъ И. С., не можно ли тебѣ побывать ко мнѣ, Отцу своему Искупителю, а я сердечно тебѣ радъ и желалъ бы тебя повидать лично и побесѣдовать съ тобою. Тако остаюсь истинный

вашъ Отець Искупитель, прошу и молю Небеснаго своего Отца, дабы похранилъ жизнь вашу во всякомъ благополучіи до конца.

Истинный вашъ Отець, остаюсь живъ и здоровъ на вѣки. Аминь.

Еще я желалъ бы тебѣ знаться съ моимъ любезнымъ и стариннымъ сыночкомъ С. М.

2.

Христось воскресе, воистинну воскресе Христось, во славу Божию, а намъ на спасеніе и въ вѣчную радость.

Возлюбленному моему, Богомъ избранному, духовному сыну О. І. и прочимъ всѣмъ моимъ дѣтушкамъ о Христѣ Исусѣ. Посылаю вамъ заочно миръ, отеческое благословеніе съ покровомъ Отца моего Небеснаго, отнынѣ и до вѣка.

Возлюбленные дѣтушки! Пишу вамъ глаголомъ усть своихъ: поживите въ кротости, смиреніи, въ любви и совѣтѣ, храните чистоту, дѣвство, оберегайтесь лѣпости и хмѣльныхъ напитковъ; то вамъ Богъ и отецъ во всемъ поможетъ и покровъ небесный наложитъ. При семъ письмѣ прошу васъ, сынокъ любезный И., честь П. отдавай, а его ты подучай, ибо хоша онъ и пророкъ, да плоть морокъ (sic), и на это не уважайте, что я его распятіемъ крестомъ благословилъ, крестъ-чистота, кротость смиреніе, крестъ-терпѣніе и поношеніе, тотъ важенъ и почетенъ крестъ предъ Богомъ. Вотъ вамъ приказъ и повелѣніе. Тако остаюсь истинный вашъ Отець Искупитель и Попечитель о душахъ вашихъ на вѣки. Аминь.

3.

Христось воскресе, воистинну Христось воскресе, во славу Божию, а намъ на спасеніе и въ вѣчную радость.

Возлюбленнымъ моимъ, Богомъ избраннымъ, духовнымъ дѣтушкамъ: О. И. П., М., И., А., Ф., А., М. и прочимъ всѣмъ моимъ дѣтушкамъ о Христѣ Исусѣ. Посылаю вамъ заочно миръ, отеческое благословеніе съ покровомъ Отца моего Небеснаго, отнынѣ и до вѣка.

О возлюбленные дѣтушки! Пишу вамъ глаголомъ усть своихъ: поживите въ кротости, смиреніи, въ любви и совѣтѣ, храните чистоту и дѣвство, оберегайтесь лѣпости и хмѣльныхъ напитковъ, не заглядывайтесь братья на сестеръ, а сестры на братьевъ, праздныхъ разговоровъ не говорите и смѣховъ промежду собою не заводите, помните

смертный часъ, день провожайте во благочестіи, а ночь въ сокрушенныхъ сердцахъ и во слезахъ; то вамъ Богъ Вышній и Отецъ Искупитель поможетъ въ тайномъ и въ явномъ.

При семъ письмѣ увѣдомляю васъ, любезный сыночекъ И., письмо ваше получилъ я все благополучно, въ которомъ писано ваше ко мнѣ желаніе и теплота, за то васъ сердечно благодарю; и просите вы у меня позволенія прибѣжище имѣть въ Т., когда по случаю, къ И. Н., такъ я васъ благословляю обѣими пречистыми ручками, ходите къ нему, такожде и ему я прикажу, чтобы онъ васъ принималъ. Еще вы изволите писать, якобы П., вашъ братъ, а мой сыночекъ, желаетъ лично ко мнѣ побывать, а по должности вы пишете, что ему не можно ѣхать, то васъ прошу по моему приказу остановить его при своемъ мѣстѣ, ибо сказано: *на всякомъ мѣстѣ владычество его*; а ежели кому ко мнѣ можно, то я всѣмъ сердечно радъ, пріѣзжайте ко мнѣ въ П.-градъ получить спасительный виноградъ; а я для всѣхъ своихъ дѣтушекъ на земли явился и много трудился, странствовалъ, терпѣлъ великую нужду, гоненіе, темницу, сколько пролито крови моей, раздроблены всѣ мои члены, сколько принято нужды въ дальнюю страну, а все сіе я только сотворилъ того ради, чтобы всѣмъ объявить истинный законъ и утвердить чистоту: а я объ васъ непрестанно прошу и молю Небеснаго своего Отца, дабы похранилъ жизнь вашу до конца. Тако остаюсь истинный вашъ Отецъ Искупитель и Попечитель о душахъ вашихъ на вѣки. Аминь.

4.

Христось воскресе, воистинну Христось воскресе, во славу Божию, а намъ на спасеніе и въ вѣчную радость.

Возлюбленному моему сыночку И. С. Посылаю тебѣ заочно миръ и мой отеческій поклонъ съ покровомъ Отца моего Небеснаго.

Любезный мой сыночекъ! Поживи, а истинному Богу Вышнему и Отцу своему Искупителю послужи въ кротости и смиреніи, въ любви и совѣтѣ, храни чистоту и дѣвство, берегайся лѣпости и хмѣльныхъ напитковъ, и не заглядывайся на женскій полъ, отъ женскаго пола приходитъ челоуѣкъ въ слабость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Бога прочь отвращаетъ, а намъ только надо чистоту нести и душу спасти, и не вѣрь пророкамъ, а вѣрь только пророческому слову,

Духу Святому; сказано: лживи пророки, а не слово лживо, а плоти лживыя, которыя по слабости живутъ, тѣ и Богу лгутъ; а вы люди не глупые, вамъ можно знать, кто какъ себя спасалъ, какое житіе велъ, какъ Дмитрій Ростовскій, какъ онъ жилъ и всякому служилъ, ни чести, ни похвалы не желалъ; еще новый угодникъ Иркутскій Иннокентій, который взялъ благодать въ Москвѣ, а спасеніе имѣлъ въ Иркутскѣ, и тамъ онъ своимъ житіемъ прославился и душу свою спасъ и мощи его тамъ предпочитаютъ; и всѣ угодники на землѣ не въ славѣ были, я слава вѣчная на небеси. Любезный мой сыночекъ! Воззри на житіе Отца своего Искупителя, какъ я жизнь свою проводилъ, сколько принялъ нужды въ дальнюю страну, и обратите вниманіе и сердечныя очи на глаголы истиннаго своего отца, и посмотрите понесенныя многія скорьби и раны, раздроблены мои всѣ члены, сколько пролито моей крови; а все сіе сотворилъ того ради, чтобы показать чистоту и дѣвство и утвердить истинный законъ, а разорить лѣпость и нечистоту. Тако остаюсь истинный Отецъ, прошу и молю Небеснаго своего Отца, дабы похранилъ жизнь вашу во всякомъ благополучіи до конца. Засимъ остаюсь истинный вашъ Отецъ живъ и здоровъ, а тебѣ посылаю навѣки мой покровъ, отнынѣ и до вѣка. Аминь.

**Отъ единого изъ послѣдующихъ оной сектѣ къ друзьямъ и
собратьямъ его.**

Христось воскресе, воистинну Христось воскресе, на спасеніе душамъ нашимъ.

Любезнѣйшіе о Спасителѣ нашемъ и Искупителѣ братцы и сестрицы: И. С., М. С., П. Ф., птенчикъ И., и съ нимъ вкупѣ, въ небесной наукѣ, также небесная старушка и праведная твоя душка Д. Ф. и И. С., хоша не всѣмъ по имени, но Отецъ кого знаетъ, и съ кѣмъ духъ его пресвятѣйшій катаеть, и на всякій часъ его видаеть, и того душеньку питаеть; а я недостойнѣйшій прошу вашихъ святыхъ молитвъ, и кланяюсь отъ лица до земли всей израильской семьи, и приношу чувствительнѣйшую мою благодарность за всѣ оказанныя вами ко мнѣ ласки, также и милости; за все Небесный Тво-

рець и Искупитель нашъ Отець вознаградить и не оставить, когда имя свое прославить. А мое желаніе исполни, и сосудъ нашъ вкупѣ наполни, и будущю жизнью всякую душеньку вознагради и улади, а на семь свѣтѣ да и жить въ небесномъ и нелестномъ совѣтѣ удостой, и предъ пречистое свое око душеньку всякую по желанію присвой. Я съ братомъ живъ и здоровъ, и просимъ вашихъ молитвъ.

П. I. П-му, братцу прелюбезнѣйшему, угоднику святѣйшему И. С. моя любовь на вѣки съ помощію и покровительствомъ на насъ Отца Небеснаго и Искупителя нелестнаго да будетъ. Никайшій рабъ Г. радъ предъ твой припадать градъ, какъ, любезнѣйшій, вы предвѣстили своимъ сладостнымъ источникомъ или писаніемъ, братецъ, аще любовь, тутъ помощникъ Богъ, и наше общественне желаніе исполнить. Прошу, братецъ, вспомните грѣшнаго Г. на святыхъ вашихъ молитвахъ, а я помню и прошу удостоить своимъ посѣщеніемъ.

Мои Р. и С. благодарятъ васъ за посѣщеніе И. С., также и милости ваши, а когда случится быть И. С. въ М., прошу удостоить своимъ посѣщеніемъ, ибо просятъ и желаютъ и кланяются отъ лица до земли.

Слава о всемъ милосердному нашему помощнику и сладчайшему источнику, который помогаетъ, и душеньки улаживаетъ, и оживляетъ. Я былъ удостоенъ въ М. и порадоваться о Бозѣ по милости Божіей за молитвы вѣрующихъ Богу, также и за ваши, любезныхъ моихъ доброжелателей. Ну, любезнѣйшіе, доволенъ, желаю, дабы и ваше желаніе исполнилось и любовь пылающая возлѣтала и благодать отеческая питала, также и пресвятѣйшее око видало и во всѣхъ подвигахъ вашихъ помогло. Любезнѣйшіе! Отець сердцець, той васъ вознаградить и не оставить, помощь свою подасть и покроетъ; навѣрно, хоша отецъ и дастъ ношу, то ей по силѣ; вѣруйте, любезные, да притомъ же и помощь его. Простите, любезнѣйшіе! Это не ученье, но сердечное мое признаніе и искренность духа моего. Любезненькіе! Вашего писанія дожидаль-дожидаль, все располагался слышать о вашемъ благополучіи и здравіи, но теперь, написавши сіи искренніи строки, прошу извинить, а желаю въ радости духа при Господѣ пребыть да и сердечно желаю слышать о вашемъ здравіи и благополучномъ пребытіи въ В. К.; желаю процвѣтатъ сему богоспасаемому граду и всякой душенькѣ на отраду и не лишаться небеснаго вино-

граду. Остаюсь, на помощь отца отцевъ и на ваши святія молитвы предаюсь. Низайшій и многогрѣшный сынъ и рабъ Г., а вашъ искренній и покорный братъ.

Кланяюсь отъ лица до земли.

Пишу въ день Казанскія Божія Матери, такъ и поздравляю васъ съ праздникомъ, ибо вы имѣете, да и носите, и отца просите. Прощайте, лишняго чего не написалъ ли? По полученіи сего писанія. прошу увѣдомить, а я буду ждать.

Л.

(Алфавитный указатель къ „Русскому Архиву“ за 1916 г. будетъ выпущенъ отдѣльнымъ оттискомъ).